

ПРЕДИСЛОВИЕ

На заре своей истории народ создает сказания о героях. В них он запечатлевает свое самосознание и свои идеалы. В этих сказаниях, преломленных сквозь призму художественной фантазии, отражаются представления древних о мироздании. Воспоминания о действительных исторических событиях и лицах сочетаются в них и сливаются воедино с мифологическими темами и образами, порожденными еще первобытным мышлением. Но, знаменуя выход из первобытного состояния, из подчинения слепой власти природы, в них уже явственно звучит вера в могущество человека, в его торжество над темными силами зла и хаоса.

Из народных сказаний складывается героический эпос; истоки его лежат еще в «дохудожественном» периоде, а с него, можно сказать, и начинается собственно история литературы. В нем — начало всего дальнейшего развития художественного творчества: его образы и сюжеты на протяжении веков питают литературу и искусство, на протяжении веков они живут в памяти народа.

Бессмертные гомеровские поэмы открывают ранний период истории античной литературы. Ее позднейшие памятники несут следы их влияния. И спустя века после заката античной культуры образы и сюжеты древнегреческого эпоса восстают из забвения, обогащая литературу и искусство народов Европы в Новое время. Аналогична в истории культуры народов Востока и роль грандиозных памятников древнеиндийского эпического творчества — «Махабхараты» и «Рамаяны». Их художественное содержание, запе-

чатленные в них идеи и образы принадлежат не одной эпохе и не одной стране — на протяжении многих столетий они оказывают воздействие на развитие индийских литератур; влияние их распространяется и за пределы Индии. Уже в раннее Средневековье они проникают в Тибет и Китай; в особенной же степени влияние «Махабхараты» и «Рамаяны» сказывается на развитии эпической поэзии стран Юго-Восточной Азии. И если обращение к памятникам европейской художественной культуры начиная с эпохи Возрождения предполагает определенное знакомство с образами античной мифологии и содержанием гомеровского эпоса, то и в литературе и искусстве многих стран Востока в равной степени далеко не всегда и не все можно понять, не зная содержания знаменитых древнеиндийских эпоей.

«Илиада» и «Одиссея», доступные читающей публике уже не первое столетие в многочисленных переводах, издавна широко известны у нас и на Западе. Знакомство с индийским эпосом в Европе начинается позже и доньше остается гораздо менее полным. На европейские языки переводились в основном лишь отдельные части и эпизоды из «Махабхараты» и «Рамаяны». Полные переводы «Махабхараты» существуют только на английском языке, но они фактически рассчитаны на узкий круг читателей, специально интересующихся текстом памятника, и далеки от художественных целей. Стихотворный перевод «Рамаяны» на английский язык появился еще в конце прошлого века, но и он не привлек к себе внимания широкого читателя.

Причина тому не в недостатке интереса к индийскому эпосу в Европе и не в художественном несовершенстве существующих переводов, но скорее в литературном своеобразии самих памятников, весьма отличных от известных нам классических эпоей Древней Греции. Мы называем памятники древнеиндийского эпоса поэмами, но определение это в значительной степени условно. Особенно это относится к «Махабхарате», которая очень далека от того, что мы понимаем обычно под эпической поэмой. Прежде всего поражают самые размеры памятника: «Махабхарата» включает в себе около 100 000 двустиший, т. е. намного превосходит «Илиаду» и «Одиссею», вместе взятые. Кроме того, содержание ее чрезвычайно разнообразно, и собственно героический эпос, сказание о великой битве, переплетается в ней со множеством произведе-

ПРЕДИСЛОВИЕ

ний, иногда совершенно самостоятельных, иногда лишь косвенно связанных с основным сюжетом. Это произведения эпического, мифологического, сказочного, дидактического, религиозно-философского, юридического, исторического содержания, и среди них зачастую совершенно теряется нить центрального повествования. В частности, в «Махабхарату» включены знаменитые поэмы «Сказание о Нале» («Наль и Дамаянти»), «Сказание о Савитри», самостоятельная версия эпоса «Рамаяны», ряд философских поэм.

Знаменательно, что и в самой древнеиндийской традиции «Махабхарата» не считается поэмой. Она обозначается термином «итихаса», т. е. «история», — предполагается, что она излагает действительные события минувших времен. По широте и разносторонности охваченного в ней круга тем «Махабхарата» у некоторых современных исследователей заслужила наименование «энциклопедии» древнеиндийской жизни.

Гораздо ближе нашему пониманию эпической поэмы «Рамаяна», и сами древние индийцы называли ее «адикавья» — «первой поэмой». В значительно большей степени, чем «Махабхарата», она сохранила единство содержания и отличается большей композиционной стройностью. Но и этот памятник достигает огромных размеров, хотя и намного уступает «Махабхарате» (всего около 24 000 двустуший), и он также включает разнородный материал, не имеющий прямого отношения к основному эпическому сюжету.

Естественно, что полный текст обоих памятников в наше время представляет интерес, главным образом, для ученых, специально занимающихся проблемами истории и культуры Древней Индии. Для широкого читателя он покажется слишком утомительным и далеким от того, что принято рассматривать как памятник художественной литературы.

Содержание «Махабхараты» разнообразно и разнородно не только по тематике. Составляющие его компоненты принадлежат различным эпохам, ибо складывался этот грандиозный свод на протяжении многих столетий. Есть основания предполагать, что составившая его ядро поэма о великой битве, построенная на древних героических сказаниях и песнях, возникла уже в середине I тысячелетия до н. э., но окончательный вид, в котором она дошла до нас, вобрав в себя обширное богатство литературного творчества последующих эпох, «Махабхарата» приняла, вероятно,

МАХАБХАРАТА

только к IV–V вв. н. э. Трудно найти в истории мировой литературы подобный пример памятника, создававшегося в продолжение тысячелетия.

О «Махабхарате» можно говорить не как об отдельном литературном памятнике, а как о целой литературе. В то же время ее нельзя рассматривать как случайное собрание разнородных произведений. При всей громоздкости и видимой хаотичности композиции «Махабхарата» обладает определенным единством — разнобразное содержание ее сплавляется воедино некоей внутренней общей художественной и идеологической тенденцией.

В течение веков «Махабхарата», переходя из поколения в поколение, существовала в устной традиции. В устной же традиции она вбирала в себя все новые и новые дополнения, и каждая эпоха вносила в нее свой вклад, превращая ее во всеобъемлющий свод. Но все разновременные и разнохарактерные элементы, из которых складывалась «Махабхарата», нивелировались в ее тексте, передаваемом из поколения в поколение, вследствие устно-поэтической передачи, и выявить их в окончательной редакции памятника, дошедшей до нас, чрезвычайно трудно.

В свое время среди исследователей «Махабхараты» определились два главных направления. Сторонники одного из них, так называемого «аналитического», ориентировались преимущественно на историю текста и основной своей целью считали выявление первоначального ядра памятника, т. е. текста того древнего эпоса, вокруг которого постепенно наслаивался материал последующих столетий. Сторонники другого, «синтетического», направления решительно возражали против того, чтобы рассматривать «Махабхарату» как собрание самостоятельных разнородных текстов, подлежащее расчленению и очищению от наносного материала, и подчеркивали в своих работах органическое единство составляющих ее элементов, требуя подхода к этому памятнику как к единому произведению, в том виде, в котором он до нас дошел.

Все попытки «аналитиков» реконструировать героическую поэму, древнейшую версию «Махабхараты», не имели успеха, а сами методы критики книжного текста, которыми пользовались эти ученые, оказались неприменимы к памятнику устно-поэтической традиции. Неразрешимость задачи, поставленной приверженцами «аналитического» направления, становится теперь совершенно

ПРЕДИСЛОВИЕ

очевидной в свете современных исследований специфики устно-поэтического текста. Не вызывает сомнений и ошибочность постулата «синтетического» направления об органическом единстве содержания «Махабхараты» в целом. В то же время должно признать, что это чрезвычайно своеобразное и богатое содержанием произведение действительно не только далеко от привычного нам понятия поэмы, но едва ли подходит и под самое определение героического эпоса, так как при всем существующем разнообразии его форм оно не похоже на другие его памятники, игравшие ту роль в истории культуры народа, о которой говорилось выше.

И не только обилие инкорпорированного в ткань сказания побочного материала определяет это своеобразие. Сказывается оно и не в самом факте сплава в «Махабхарате» героической эпики с так называемой дидактикой — и в других эпических памятниках мы находим значительные разделы дидактического содержания, естественно сочетающиеся с нарративным материалом. Особенность «Махабхараты» заключается в том, что как цельное произведение она окончательно сложилась через много веков после того, как миновала так называемая «героическая эпоха», т. е. уже в иных исторических условиях и в иной среде по сравнению с другими памятниками устного эпоса или ее же первоначальной версией, ныне безвозвратно для нас утраченной. Между тем эта первоначальная версия, несомненно, существовала, и об этом имеются свидетельства в самом тексте. Но очевидно, что сюжет и образы этого древнейшего эпоса, составившего костяк грандиозного свода, в окончательной «редакции» «Махабхараты» приобрели новые черты, наполнились иным содержанием, получили новый смысл, существенно отличный от того, какой они могли иметь в памятнике героической поэзии народа той далекой эпохи.

Издавна исследователями «Махабхараты» отмечалась известная противоречивость содержания памятников, выходящая за рамки обычных текстуальных противоречий, свойственных произведениям, складывавшимся вне письменной традиции. Отчетливее всего эта противоречивость проявляется в центральной части эпоса — в описании великой битвы на поле Куру, где сошлись войска враждующих царских родов: Кауравов и Пандавов. Если на протяжении всего предыдущего повествования Пандавы выступают как герои божественного происхождения, воплощающие положительный

идеал эпопеи, и подчеркнута противопоставляются злодеям Кауравам, возглавляемым завистливым и коварным Дурьодханой, то в сценах битвы картина неожиданно меняется: одолеть в честном бою отважных вождей неприятельского войска Пандавы не могут и одерживают победу, лишь прибегая к уловкам, мало совместимым с кодексом воинской морали. Это противоречие бросается в глаза даже при поверхностном знакомстве с содержанием «Махабхараты», и в свое время оно побудило некоторых сторонников аналитического направления выдвинуть так называемую гипотезу инверсии, согласно которой в первоначальной версии сочувствие певца было на стороне Кауравов и поэма представляла собой трагическую песнь о битве, в которой отважные герои пали жертвой низкого коварства врагов.

Центральное сказание «Махабхараты», очевидно, основывается на историческом прошлом народа; битва на Курукшетре, как полагают, действительно происходила между серединой X и началом IX в. до н. э. Нам трудно судить теперь об истинном значении этого исторического события и его масштабах. Но очевидно, что эпическую «Великую битву потомков Бхараты», давшую название памятнику (так расшифровывается «Mahabharata [yuddha] »), следует рассматривать как обобщение целой эпохи в ранней истории Индии, главным содержанием которой были межплеменные войны, предшествовавшие созданию крупных рабовладельческих государств на западе Гангской долины, борьба за гегемонию в Северной Индии между консолидировавшимися тогда в народности племенами куру и панчалов. Некоторые исследователи полагают, что в основе сюжета эпоса лежит конфликт между куру и панчалами, в котором союзниками последних выступили иноплеменные пришельцы с севера, представители некоей неарийской (возможно, монголоидной) народности Гималаев; они-то и послужили прототипами образов Пандавов в «Махабхарате». Борьба закончилась поражением куру.

Косвенные указания на неарийское происхождение Пандавов видят, в частности, в обычае полиандрии, который, согласно тексту «Махабхараты», принадлежал их роду (пятеро братьев женятся на царевне панчалов Драупади), но который явно идет вразрез с моральными нормами брахманистского общества; в самом значении их имени: Pandu — «желтый» (в тексте толкуется как «бледный»)

ПРЕДИСЛОВИЕ

и т. п. Если это предположение справедливо, оно подкрепляет гипотезу инверсии — изначально героический эпос мог сложиться именно на основе преданий о борьбе с иноземными врагами.

Однако едва ли сейчас что-либо может подтвердить достаточно убедительно эти предположения. Как было отмечено, реконструировать начальную версию эпоса уже невозможно, и, когда мы говорим о «Махабхарате», великой эпопее Древней Индии, мы имеем в виду тот окончательный текст ее, который дошел до наших дней. В этом произведении Пандавы выступают как кровные родичи Кауравов, ведущие происхождение от общего с ними легендарного предка Бхараты, и недвусмысленно утверждается их право на власть над страной, из-за которой в эпосе и разворачивается борьба; победа Пандавов показана как торжество справедливости. Противоречие, упомянутое выше, снимается в дидактических частях «Махабхараты», где действия Пандавов оправдываются именно тем, что совершаются они во имя дхармы — закона священной справедливости, которым живет и сохраняется вселенная. Идеальный смысл канонической «Махабхараты» раскрывается в «Бхагавадгите», религиозно-философской поэме, входящей в состав памятника. Исследователи и интерпретаторы, ставящие во главу угла единство содержания «Махабхараты», рассматривают эту поэму как ее идейное ядро. Проповедь бескорыстного служения долгу вкладывается в «Бхагавадгиту» в уста Кришны, друга и союзника Пандавов, выступающего здесь как земное воплощение высшего божества — Вишну; она сочетается с теистическим учением, которое впоследствии легло в основу доктрины вишнуизма.

«Бхагавадгита» («Песнь Господа») становится священной книгой вишнуизма — вместе с другими дидактическими текстами «Махабхараты» она придает древнему сказанию совершенно особый характер, далекий от духа героической эпики, а вся «Махабхарата» почитается в индуизме священным текстом, рассматривается как памятник религиозной литературы. Но своеобразие этого памятника заключается именно в том, что древний эпос в нем все же сохраняет присущие ему черты, не уничтожаемые чуждой ему религиозной моралью позднейшей эпохи. «Махабхарата» — это и священная книга, и героический эпос в рамках единого свода, одно существует в другом и сочетается с ним, не лишаясь внутренней самостоятельности.

МАХАБХАРАТА

Героический эпос «Махабхараты» относится, очевидно, к тем сводам сказаний, которые складывались, когда исторические события, давшие основу их содержанию, уже ушли в далекое прошлое и давно отгремела борьба племен и народностей, в них отраженная. В таких памятниках противоборствующие силы изображаются с «эпической» объективностью; певец равно превозносит могущество и отвагу Ахилла и Гектора, Арджуны и Карпы, Рустама и Исфандияра. В равно бесстрастных тонах описываются и победа Ахилла над Гектором, одержанная в честном бою, и отнюдь не героическое деяние Арджуны, нанесшего удар беззащитному врагу. В «Махабхарате» столь же бесстрастно певец отдает должное и коварному злодею Дурьодхане, отважно сражающемуся до последнего вздоха с грозным врагом. Нравственная оценка поступков героев принадлежит уже другой эпохе, далекой от идеала героического века, создавшего эти образы.

Описанию великой битвы в «Махабхарате» предшествует религиозная проповедь «Бхагавадгиты», оправдывающая вступление Пандавов в войну во имя высшей справедливости; завершается оно знаменитым «Плачем женщин на поле Куру», представляющим собой один из замечательнейших памятников древнеиндийской поэзии; самая выразительная его часть — «Жалоба Гандхари», матери погибших героев, которая прокликает братоубийственную войну и того, кто произносит упомянутую проповедь перед сражением. Но в «Махабхарате» не осуждаются ни Гандхари, ни Кришна, объективная правда как бы признается и той и другой стороной; в ней равно заключаются воззрения, современному читателю представляющиеся непримиримо противоречивыми, но не воспринимавшиеся так ее создателями. В этом — особенность, характерная не только для «Махабхараты», но в известной мере и для древнеиндийской культуры в целом. В ее историческом развитии новые идеи и представления идут на смену старым, оттесняя их с господствующих позиций в общественном сознании, но не отрицая их окончательно и не зачеркивая; элементы архаических идеологий, рожденные эпохами, ушедшими в прошлое, продолжают жить века, вплетаясь в новые идеологические системы и мирно уживаясь с принципами нового мировоззрения. Отсюда — характерный консерватизм этой культуры, отличающий ее, в частности, от более динамичной в развитии своем культуры античного мира.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Древнее эпическое сказание, дошедшее до нас в каноническом своде «Махабхараты», претерпело, без сомнения, определенные изменения; мы уже отмечали, что восстановить его в исконном виде невозможно. Но эпос сохранил свои образы, свои основные сюжетные линии и героический дух изначального сказания. Сюжету и образам основного сказания «Махабхараты» свойствен несомненный драматизм (он отражается и в композиции ее, в диалоگو-монологической форме ее построения). Характеры его — не схематичное воплощение признанных добродетелей или пороков (как видят их некоторые исследователи): они наделены живыми чертами, обрисованы ярко и сильно. Рассудительный Юдхиштхира, буйный нравом и мстительный Бхимасена, отважный и высокомерный Арджуна, хитроумный Кришна — главные герои стана Пандавов противопоставлены своим антагонистам: благородному Карне, завистливому и коварному Дурьодхане, лукавому Шакуни, жестокому Ашваттхаману. Все это яркие, истинно эпические характеры, сильные и цельные, словно высеченные из камня. Замечателен образ Драупади, отнюдь не робкой и покорной супруги Пандавов, но женщины нрава сурового и энергичного, нередко решительно повелевающей своими пятью мужьями. Весьма живое впечатление производит в эпосе старый царь Дхритараштра, слабый и безвольный, легко поддающийся чужому влиянию, — на него возлагает «Махабхарата» немалую долю ответственности за трагедию гибельной войны.

В необъятном своде «Махабхараты» запечатлелись черты эволюции духовной жизни и миропонимания древнего общества на протяжении многих столетий. Другой великий эпос Древней Индии, «Рамаяна», как упоминалось, намного уступает «Махабхарате» в объеме, отличается большей цельностью содержания. Это обусловлено в какой-то мере и тем, что время его сложения охватывает значительно менее продолжительный период. Но и он исчисляется не одним столетием. Древняя поэма о Раме создана была, по видимому, позднее, чем первоначальная версия эпоса о Кауравах и Пандавах, предположительно в III или II в. до н. э. Окончательная редакция «Рамаяны» должна датироваться несколькими веками позже, но все же временем более ранним, как полагают, чем полный свод «Махабхараты». Время сложения «Рамаяны» уместается, таким образом, внутри хронологических рамок создания «Махабхараты».

Оба эпоса существенно отличны один от другого, и не только объемом и цельностью содержания. Сказание о великой битве сложилось, очевидно, на западе Гангской долины, т. е. на той территории, где развернулись некогда исторические события, в нем отразившиеся. Сказание о Рамае принадлежит востоку Индии. Здесь, в среднем течении Ганга, в середине I тысячелетия до н. э. образовались крупные рабовладельческие государства, которые в IV в. до н. э. составляли ядро первого объединения Индии (под властью династии Маурьев). Здесь созрели условия для создания второго великого эпоса Древней Индии, знаменовавшего этот исторический подъем могущества древнеиндийского государства и расцвет новой, более высокой культуры.

Сюжет героического сказания «Махабхараты» основывается на межплеменном конфликте. Историческое прошлое народа находит свое отражение и в «Рамаяне»; в то же время эпос «Махабхараты» насыщен мифологическими мотивами. Но сюжет «Рамаяны» более определенно восходит к мифу, а именно к земледельческому мифу, объясняющему смену времен года (тема временной смерти и последующего воскрешения или похищения и возвращения возлюбленной героя — сравни греческий миф об Орфее и Евридике и др.), и в этом отношении можно говорить о большей его архаичности по сравнению с «Махабхаратой». И в древнеиндийской легендарной традиции время действия «Рамаяны» относится к более древней эпохе, чем война Кауравов и Пандавов; Рама, царь мифической Солнечной династии, представляет поколение более раннее, чем отпрыски Лунной династии, герои «Махабхараты». Между тем поэма о Рамае, как мы отметили, моложе сказания о битве на Курукшетре, и в ней отразились новая эпоха и новая, более высокая культура.

Как и «Махабхарата», «Рамаяна» сложилась и переходила из поколения в поколение в устной традиции. Оба эпоса, очевидно, только относительно поздно были записаны и подверглись определенному редактированию уже в традиции письменной. Однако, хотя стиль «Рамаяны» носит те же следы устно-поэтической традиции, в нем обнаруживаются новые черты, не свойственные «Махабхарате». Система художественных средств здесь значительно более развита, они гораздо богаче и разнообразнее. «Рамаяна» в этом отношении, по признанию современных исследователей, представ-

ПРЕДИСЛОВИЕ

ляет уже переходную ступень от устного эпоса к книжному и демонстрирует определенные черты индивидуального поэтического стиля. Если невозможно верить индийской традиции, когда она приписывает авторство гигантского свода «Махабхараты» одному человеку — мифическому мудрецу Вьясе, который приходится дедом главным героям эпоса (только некоторые крайние сторонники «синтетического» направления отстаивают единое авторство «Махабхараты»), у нас нет оснований с той же уверенностью отвергать свидетельство традиции, называющей создателем «Рамаяны» легендарного поэта Вальмики, «первого поэта» (адикави) Индии.

О его личности и жизни мы ничего не знаем — до нас дошли о нем только легенды, за которыми невозможно угадать факты реальной биографии. Однако нет ничего невероятного в предположении, что поэма о подвигах Рамы создана была на основе циклизации народных песен и сказаний одним автором, великим поэтом, творение которого осталось на века в памяти народа.

И на эту поэму, как на древний эпос о битве на Курукшетре, в течение веков наслаивались эпизоды и дополнения, не имеющие прямой связи с основным сюжетом, но этот процесс был не столь длительным. Поздние наслоения не только занимают значительно меньший объем в «Рамаяне», но и, как правило, гораздо более отчетливо могут быть выделены в общем своде памятника, хотя последовательный текстологический анализ с целью реконструкции «первоначальной» поэмы здесь, очевидно, также невозможен. Но большинство исследователей признают, что из семи книг, составляющих «Рамаяну», две почти целиком — большая часть первой и седьмая — принадлежат более позднему времени, чем основной корпус памятника. На эти книги и приходится подавляющее большинство вводных сказаний и мифов, прерывающих развитие действия; язык и стиль этих частей, как и их содержание, наиболее родственны эпизодам «Махабхараты».

Но и там, где в первой и седьмой книгах излагается непосредственно история Рамы, она имеет существенные отличия от повествования в основной части памятника. Как и «Махабхарата», «Рамаяна» на определенном этапе сложения своего свода насыщена была элементами религиозного содержания, способствующими обращению древнего эпоса в священную книгу вишнуизма. Как Кришна в «Махабхарате», герой «Рамаяны» объявлен был земным

воплощением (аватарой) бога Вишну. В первой книге «Рамаяны» основному сказанию предпослан своего рода «пролог на небесах», в котором описывается, как боги индуистского пантеона умоляли Вишну воплотиться в земного героя ради спасения мира от победоносного царя демонов Раваны, неуязвимого для небожителей. Но если исключить обрамляющие книги, почти нигде более в тексте поэмы нет речи о божественном происхождении Рамы; он предстает в ней как земной, человеческий образ, воплощающий идеал эпического героя.

Полагают, что в основе «Рамаяны» лежит местное племенное сказание. Из него, как из зерна, выросла великая эпопея, герой же его стал общеиндийским героем, одним из любимейших в народе вплоть до наших дней. В содержании эпоса и в его образах сочетались элементы мифологического и исторического происхождения. Образ странствующего героя, победителя лесных чудовищ, восходящий, возможно, еще к доарийским истокам, вошел в распространенную в мировом фольклоре сказочную сюжетную схему, построенную на мотиве похищения и поиска возлюбленной героя, — выше мы упоминали о ее мифологическом происхождении. С этим сюжетом сплелись отголоски преданий о продвижении ариев в Южную Индию, об их военных конфликтах и союзах с племенами аборигенов, которые в «Рамаяне» представлены в образах демонических лесных людоедов-ракшасов и помогающих герою божественных обезьян и медведей.

Как и «Махабхарата» в ее окончательной редакции, «Рамаяна» уже значительно отдалена от эпохи, рождающей безыскусственный героический эпос, но ее своеобразие — совсем иного характера. Сравнение с «Махабхаратой» особенно отчетливо выявляет в «Рамаяне» преобладание сказочного, фантастического элемента. Если в отношении стиля, как отмечалось, эта поэма представляет переходную ступень от устной поэзии к книжной литературе, в отношении содержания здесь можно говорить о переходе от героического эпоса к сказочному.

В центре поэмы Вальмики, как и в центре «Махабхараты» или гомеровской «Илиады», — великая битва; ее описание занимает всю шестую (самую большую по объему) книгу «Рамаяны». Но если в «Махабхарате» или в «Илиаде» в основе описания лежит действительный исторический конфликт и при всей эпической

ПРЕДИСЛОВИЕ

гиперболизации в нем отражаются реальные черты, характеризующие ведение боя в ту эпоху, когда главным оружием были лук и стрелы, а главным родом войск — боевые колесницы, то в «Рамаяне» это битва совершенно фантастическая». Сказочные обезьяны и ракшасы сражаются, метая друг в друга вырванные с корнем деревья и целые скалы, ракшасы прибегают для одоления врага к колдовским чарам, их вождь Индраджит сражается невидимкой и т. п. Фантастический элемент играет важную роль и во многих других частях поэмы, и само построение сюжета следует, как мы отмечали, распространенной схеме волшебной сказки (указывают, в частности, на разительное сходство сюжетной схемы «Рамаяны» с пушкинским сказочным эпосом «Руслан и Людмила»).

В то же время фантастические мотивы своеобразно сочетаются в «Рамаяне» с отражением реальной действительности эпохи ее создания, в образах поэмы сказочные, сверхъестественные черты причудливо вплетаются в живые человеческие характеры. Выделяется в общем строе поэмы вторая книга, содержащая описание двора Дашаратхи и рассказывающая об изгнании героя, — она почти полностью лишена сказочных мотивов (сюжет этой книги мы находим в палийской буддийской литературе, и есть основания предполагать, что первоначально сказание об изгнании Рамы существовало самостоятельно, будучи не связанным с повестью о дальнейших его приключениях, составившей содержание последующих книг «Рамаяны»).

Герой предания приобретает здесь черты, характеризующие представителя воинской аристократии раннего рабовладельческого государства. В этом образе находят выражение нравственные нормы и идеалы времени создания поэмы; Рама — воплощение признанных эпохой добродетелей. Тем не менее он не превращается в ходульную дидактическую фигуру — поэт умеет наделить его живыми чертами, человеческим характером. Ярко и проникновенно показана в древней поэме любовь Рамы к Сите, составляющая основу памятника.

Образ героини — художественно наиболее цельный в поэме. Он восходит к мифологической фигуре древнего земледельческого божества (имя «Сита» означает букв. «Борозда»), и отголоски этого мы находим как раз в поздних — первой и седьмой — книгах, где она выступает как дочь богини Земли. Тем не менее в образе

ее в поэме Вальмики нет ничего «божественного» — она показана в ней как земная женщина с земными, человеческими чувствами и чертами характера.

Сита изображается в «Рамаяне» как идеал индийской женщины-жены (подобно тому как Рама — идеал воина и государя). В ней мы также находим черты, обусловленные эпохой. Сита — послушная дочь, преданная, добродетельная супруга. Но величие ее образа раскрывается во всезабвенной, самоотверженной любви к Раме, которую она пронесит через все испытания.

Лирическое начало наиболее ярко проявляется в третьей и пятой книгах «Рамаяны», в темах разлуки любящих Рамы и Ситы и плена Ситы, но оно определяет и звучание поэмы в целом, и в нем — характернейшая черта, в еще большей степени, чем сказочные мотивы, отличающая эпос Вальмики в развитии художественной культуры Древнего мира.

Поэма воспевает вместе с любовью и дружбу как одно из высших проявлений духовной красоты человека. Носителями идеала человеческих отношений выступают в «Рамаяне» Лакшмана, брат героя, и мудрый обезьяний вождь Хануман; последний остается в дальнейшем одним из любимейших героев индийских народных сказаний.

Силам добра, воплощенным в образах Рамы и Ситы и их друзей, противостоит в «Рамаяне» злое начало, олицетворенное в образе Раваны, десятиглавого повелителя людоедов-ракшасов, царя мифического острова Ланки, главного антагониста Рамы. В изображении его особенно ясно проявляется характерное для «Рамаяны» своеобразное сочетание элементов реального и фантастического. Образ Раваны имеет мифологическое происхождение, как и большинство других образов поэмы, но в нем элементы мифа сохранились более всего. В большинстве сцен Равана выступает как человек; он рисуется как прекрасный обликом витязь, пленяющий сердца женщин. Временами же он превращается в многорукого великана с десятью головами, выступает как оборотень, принимающий любую личину. Иногда мы сталкиваемся здесь с характерными для устного эпоса противоречиями: в сцене последнего поединка с Рамой (в шестой книге) у Раваны одна голова, которая всякий раз, когда герой отсекает ее стрелами, вырастает снова, — мотив, известный не только индийскому фольклору.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Но все же человеческое начало преобладает и в этом образе, жизненно столь же правдивом, как и образы положительных героев. Самовлюбленный и взбалмошный деспот, коварный обольститель, раб своих страстей, готовый на любое злодейство, он во всем противостоит Раме — и как человек, и как правитель государства.

Последний аспект играет немаловажную роль в идейном содержании «Рамаяны», рисующей в образе Рамы идеального государя. Эта проблема имела существенное значение в эпоху создания поэмы и сохранила его и в последующие века; она отразилась в творчестве многих писателей классического периода, следовавших по стопам Вальмики. В сознании народа надолго сохранилось представление о справедливом царстве — «царстве Рамы», в котором виделось ему осуществление заветных чаяний. Но в седьмой книге «Рамаяны» эта тема получила характерное освещение в духе идеологии господствующих сословий и религиозной брахманской морали, и образ Рамы в этой книге тускнеет и утрачивает человеческие черты, обращаясь в бездушное воплощение «божественного» принципа.

В образах ракшасов, обитателей острова Ланки, и обезьян, населяющих сказочное царство Кишкиндху, мы видим то же характерное смешение реального и фантастического. Ракшасы, появляющиеся в поэме в первой книге как бесы и оборотни, в эпизодах пятой и шестой книг выступают чаще всего как люди, приобретая черты какого-то реального народа, стоящего, следует отметить, на высокой ступени культурного развития, о чем свидетельствует описание их столицы, укрепленного города Ланки. Обезьяны и медведи, несомненно, отражают представления об архаических лесных племенах аборигенов Южной Индии.

Мы видим большую сложность и разнообразие содержания в художественной ткани поэмы, сочетающей сказочные и реальные элементы, мифологические и фольклорные образы и мотивы, исторические реминисценции и черты, рожденные эпохой сложения памятника. Высокое совершенство поэтической формы, богатство выразительных средств, неизвестное литературе предшествующих веков, обусловили огромное влияние эпоса Вальмики на индийскую художественную культуру. «Рамаяна» поистине открывает новую эру в истории индийской литературы. Все крупные поэты классического периода испытали на себе ее влияние, и позже она

МАХАБХАРАТА

послужила образцом для воссоздания эпоса о Рама в новоиндийских и дравидийских литературах на стадии их становления.

Иначе сложилась судьба третьего великого эпоса Древней Индии — эпоса о Кришне; он существенно отличается и от «Махабхараты», и от «Рамаяны». Герой его выступает как одно из главных действующих лиц в основном сказании «Махабхараты». К восемнадцати книгам, составляющим этот памятник, примыкает дополнительная, девятнадцатая — «Хариванша», где описываются рождение и юные годы Кришны. Это сказание не имеет прямого отношения к сюжету о великой битве, и образ Кришны в нем отличается от образа в «Махабхарате». Если в эпосе о Кауравах Кришна местами выступает как ипостась Вишну, но в развитии действия основного сказания проявляет себя как простой смертный и представляет собою определенный тип эпического героя, хитроумного советчика воителей, своего рода индийского Одиссея, то в «Хариванше» божественная природа Кришны подчеркивается более настойчиво на протяжении всего повествования. Есть основания полагать, что легенды о рождении, детстве и юности Кришны, лежащие в основе содержания «Хариванши», — более позднего происхождения, чем эпос «Махабхараты». В свое время высказано было предположение, что цикл этот — неиндийского происхождения, его происхождение приписывали даже христианскому влиянию. Действительно, некоторые его мотивы напоминают известные сюжеты христианской агиографии. Тому же влиянию приписывали возникновение культа Кришны-дитяти, получившего распространение в Средние века, особенно в Западной Индии. В действительности, очевидно, сказание о Кришне — индийского, возможно, даже доарийского происхождения, хотя на него могли повлиять мотивы легенды о Кире, занесенные из Ирана в эпоху экспансии Ахеменидов. Во всяком случае, Кришна — герой эпоса о потомках Бхараты и Кришна — пастух, о котором повествует «Хариванша», по-видимому, первоначально различные образы, впоследствии слившиеся воедино и отождествленные с Вишну.

Почитание Вишну в образе Кришны развилось в Средние века в наиболее мощное ответвление вишнуитской религии — кришнаизм. Здесь сочетались элементы ряда местных первоначально самостоятельных культов, в том числе культа бога Васудевы, распространенного в конце I тысячелетия до н. э. в Западной Индии

ПРЕДИСЛОВИЕ

(имя его было впоследствии переосмыслено как патронимическое по имени отца Кришны), и почитания дравидийского божества плодородия Майона (имя которого означает по-тамилски то же, что «Кришна» на санскрите, — «Черный»). К последнему и восходит, очевидно, культ Кришны-пастуха, и отсюда же — эротический элемент в поздних легендах о Кришне, в историях о его любовных похождениях с пастушками.

В этом образе сложного происхождения сочетались черты эпического героя и божества; Кришна из рода Яду, действующий в «Махабхарате», в древнейшей версии не имел, по-видимому, ничего общего ни с Вишну, ни с местными культами Васудевы и Майона. Возможно, образ его восходит к историческому лицу, упоминаемому в упанишадах в числе адептов новых религиозно-философских учений эпохи. Он отождествился, как мы можем полагать, с древней мифологической фигурой странствующего героя, вероятно, доарийского происхождения, родственной прообразу героя «Рамаяны». Сказания о нем и легли в основу третьего древнеиндийского эпоса; они пользовались, очевидно, большой популярностью.

Меньше распространены сказания о Баладеве (или Балараме), тем не менее также весьма любимом и популярном в народе герое. Образ его связан с архаическим культом земледельческого божества. Он включен был в цикл сказаний о Кришне на подчиненном положении; Баладева выступает в них как сводный брат Кришны, хотя первоначально не имел к нему отношения. Он появляется эпизодически и в «Махабхарате». Позднее Баладеву объявляют «частичным» воплощением Вишну. Иногда как зооморфную ипостась его рассматривают Шешу, космического змея, несущего Вишну на своих кольцах, в индуистской мифологии и иконографии.

Если «Махабхарата» прошла многовековой путь развития и обратилась в грандиозный свод энциклопедического содержания, в котором героическое сказание сочеталось с религиозной проповедью, но сохранило исконные черты, если «Рамаяна», возникшая в эпоху исторического подъема, положила начало расцвету индивидуального поэтического творчества, то сказания о Кришне сложились в единый цикл позднее первых двух эпопей и оформлялся их свод с самого начала в иной среде и в иных исторических условиях. Тогда уже наметились признаки грядущего упадка древнеиндийской культуры, консервативное брахманство все более опреде-

ляло господствующие идеологические тенденции. Эпос о Кришне создавался сразу как священная книга, памятник религиозной литературы.

При этом не сложилось единой канонической версии этого эпоса. Наиболее раннее законченное изложение сюжета о Кришне — упомянутая выше «Хариванша», которую можно датировать не раньше первых веков нашей эры, сказание о Кришне включается также в «Вишну-пурану» как одна из ее основных частей, и, наконец, наиболее развернутая и популярная версия кришнаитского цикла составляет десятую книгу «Бхагавата-пураны», памятника, сложившегося уже в раннее Средневековье.

В этих произведениях мы уже не найдем ни безыскусственной и суровой выразительности героических сцен «Махабхараты», ни эмоциональной яркости и богатства художественных средств «Рамаяны». Нельзя сказать, чтобы изложение сказания о Кришне в «Хариванше» или «Бхагавата-пуране» было совершенно лишено литературных достоинств. Но санскритские версии кришнаитского эпоса создавались в преддверии или уже в эпоху упадка древнеиндийской классической культуры. Для авторов их художественный элемент подчинялся, безусловно, задачам религиозной пропаганды; в соответствии с этим и обрабатывался материал народных сказаний, утративших в значительной мере свои исконные черты в брахманской интерпретации. Таким образом, эпос о Кришне, быть может, наиболее близком народу герою, в литературном оформлении далее всего отошел от своих народных истоков. Тем не менее десятая книга «Бхагавата-пураны» — наиболее полное жизнеописание Кришны — пользовалась необычайной популярностью на протяжении последующих веков и послужила образцом для ряда версий на новоиндийских языках.

Полный перевод трех великих эпосов Древней Индии на русский язык — дело будущего, связанное, несомненно, прежде всего с большой исследовательской работой в области истории древнеиндийской культуры. Предлагаемое изложение ставит целью ознакомиться с их содержанием широкого читателя.

В изложении содержания всех трех памятников авторы строго придерживались сюжетной линии подлинника, опуская, однако, эпизоды и вставные произведения, не имеющие прямого отношения к основной линии повествования. В изложении «Махабхарата-

ПРЕДИСЛОВИЕ

ты» сохранены все же обрамляющие рассказы, дающие читателю общее представление о композиции памятника.

Предлагаемую переработку текста оригинала не следует рассматривать, разумеется, как попытку реконструкции «праэпоса» «Махабхараты» или «Рамаяны» — мы уже говорили о неразрешимости этой задачи. Есть основания полагать, что древнейшую часть эпоса «Махабхараты» представляет описание битвы и непосредственно следующих за ней событий, занимающее шестую-девятую книги; книги же, содержащие предысторию войны и заключающие памятник, были добавлены позднее (этот порядок «наращивания» текста добавлением новых разделов к началу и концу первоначальной версии обычен для истории древнеиндийской литературы начиная с первых ее памятников), что не означает, однако, наличия поздних наслоений и в «ранних» книгах и относительно древнего материала в обрамляющих. В нашем изложении мы оставляем тем не менее все части повествования, относящиеся к основному сказанию в окончательной редакции «Махабхараты». Еще более очевидно позднейшее происхождение обрамляющих книг «Рамаяны», однако и они включены в наше изложение.

Мы не стали вводить в изложение обоих эпосов пересказ чисто дидактических текстов (особенно характерных для «Махабхараты»). Сохранив сюжетные линии первой и седьмой книг «Рамаяны», мы исключили явно чужеродное для древней поэмы отождествление Рамы с божеством; также для Кришны в «Махабхарате» явно вторичной представляется роль ипостаси Вишну, излишняя для развития эпического сюжета.

В основу изложения эпоса о Кришне взят текст десятой книги «Бхагавата-пураны».

Заменяя перевод прозаическим переложением, авторы стремились тем не менее передать в нем средствами русского языка стиль и манеру эпического повествования, систему образов и метафор оригинала, донести до читателя по мере возможности черты его художественного своеобразия.

Как явствует из вышесказанного, из трех эпосов раньше других получило литературное оформление в устной традиции сказание о великой битве, позднее сложилась «Рамаяна» и еще позднее — эпос о Кришне. Тем не менее в настоящем сборнике мы приняли последовательность, соответствующую легендарной «хронологии»

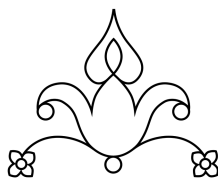
МАХАБХАРАТА

событий. Действие «Рамаяны» индийская традиция относит к более глубокой древности, нежели войну Кауравов и Пандавов; сказание о детстве и юности Кришны мы поместили перед изложением «Махабхараты», где рассказывается о его участии в этой войне и о его гибели. Разбивка на главы и их названия всюду принадлежат авторам изложения, и только в «Рамаяне» сохранено деление на семь книг и их названия, принадлежащие оригиналу.

Изложение эпосов «Махабхараты» и «Рамаяны» выходит в настоящем сборнике вторым изданием. Текст «Рамаяны» по сравнению с первым изданием (М., 1965) оставлен почти без изменений, изложение «Сказания о великой битве потомков Бхараты» (1-е изд.: М., 1963) значительно расширено. Изложение эпоса о Кришне по «Бхагавата-пуране» издается впервые¹.

¹ По сообщению главного редактора издательства «Петербургское Востоковедение», где настоящее издание увидело впервые свет в 1996 году, вклад соавторов составляет: $\frac{2}{3}$ литературного изложения древнеиндийских сказаний принадлежит В. Г. Эрману; $\frac{1}{3}$ — Э. Н. Темкину. Предисловие написано соавторами в процентном соотношении 50 на 50.

СКАЗАНИЕ
О РАМЕ

КНИГА ПЕРВАЯ

ДЕТСТВО

РОЖДЕНИЕ РАМЫ

Кюгу от гор Гималаев — обители снегов, на берегах тихоструйной Сарайю и многоводной Ганги лежит страна Кошала, богатая и счастливая, изобильная зерном и скотом, тучными пастбищами и цветущими садами.

В той стране был древний город Айодхья, прославленный повсюду красотой и великолепием своих домов, площадей и улиц. Купола его дворцов и храмов возвышались, как горные вершины, и стены их блистали золотом и драгоценными камнями. Возведенные искусными зодчими, украшенные дивными статуями и росписями, они подобны были небесным чертогам Индры, повелителя богов.

Город был богат и многолюден. В нем было вдоволь питья и пищи, в лавках купцов полно диковинных товаров, и жители Айодхьи не знали ни нужды, ни болезней. Юноши и девушки беззаботно танцевали на площадях, в садах и манговых рощах. И с утра до вечера на прямых и просторных улицах города теснился народ — торговцы и ремесленники, царские гонцы и слуги, странники и скоморохи. И не было в том городе никого, кто предавался бы пороку и безделью, не знал бы грамоты и благочестия. И все мужчины и все женщины обладали добрым нравом, и все поведением своим были безупречны.

Город окружен был крепкими стенами и глубокими рвами; в нем были кони из Камбоджи и с берегов Инда, боевые слоны с гор Виндхья и Гималаев, и как горные пещеры изобилуют львами, так город был полон воинами, горячими, прямодушными и искусными.

И Айодхья затмевала другие города, как луна затмевает звезды. И правил ею славный царь Дашаратха, справедливый и могучий. Благочестивому царю служили мудрые и преданные советники, прекрас-

ные жены радовали его своей красотой и кротостью, и все желания Дашаратхи немедля исполнялись.

Но великое горе давно уже точило душу государя Айодхьи, и ничто не веселило его. Не было потомства у благородного Дашаратхи, не было у него сына, некому было передать власть и государство. И решил однажды повелитель Айодхьи принести богам великие жертвы в надежде, что смилуются над ним боги и даруют ему сына. Царские советники, благочестивые и всеведущие брахманы, с радостью одобрили желание Дашаратхи, а жены его расцвели от счастья и надежды, как расцветают лотосы с приходом тепла и солнца.

На северном берегу Сарайю, на указанном Дашаратхой месте, главный советник царя Васиштха повелел возвести алтарь, роскошные строения для знатных государевых гостей, удобные дома для брахманов, купцов, земледельцев и царской стражи. «Все должны быть довольны, никто ни в чем не должен терпеть недостатка», — приказал Васиштха царским зодчим и слугам.

Мастера немедля принялись за дело, а царские гонцы помчались на быстрых колесницах на восток и на запад, на юг и на север. Они везли окрестным государям приглашение прибыть к Дашаратхе на великий праздник.

Когда минул год и все уже было готово к великому жертвоприношению, стали прибывать в Айодхью желанные гости: благородный Джанака, повелитель Митхилы, верный друг царя Дашаратхи; благонравный и красноречивый владыка Каши; Ромапада, отважный царь ангов; доблестные государи Синдха и Саураштры; почтенные брахманы и торговцы, искусные ремесленники и усердные земледельцы.

И в день, когда небесные светила предвещали удачу, царь Дашаратха с женами и домочадцами, советниками и многочисленными гостями под охраной верного войска выехал из Айодхьи к северному берегу Сарайю.

Три дня и три ночи жрецы Дашаратхи приносили богам великие жертвы, три дня и три ночи шептали они над священным огнем алтаря молитвы и умоляли богов даровать потомство дряхлеющему государю.

По всей земле разнесся слух о великом жертвоприношении на северном берегу Сарайю, и отовсюду стекались к алтарю обездоленные люди. Весь день с утра до ночи там раздавались крики: «Дайте

пищу! Дайте одежду!» — и слуги Дашаратхи ни в чем не отказывали пришельцам. Много золота и серебра, драгоценных тканей, ковров и лошадей раздарил щедрый Дашаратха благочестивым брахманам, и жрецы прославляли государя Айодхьи и желали ему много сыновей и внуков.

Боги тоже остались довольны принесенной им жертвой, каждый из них получил свою долю. И обратились они тогда к богу-творцу, великому Брахме, с просьбой даровать праведному Дашаратхе сына. «Дай, господин, Дашаратхе сына, — просили боги всемогущего Брахму, — надели его неборимой силой, пусть он избавит нас и все живое в мире от Раваны и его злодейства».

Равана в те времена жил на земле. Он был повелителем ракшасов, злых и кровожадных демонов. Некогда достиг Равана суровым покаянием великой святости, и Брахма решил наградить его за благочестивые подвиги. «Выбирай себе любой дар, — сказал ему Брахма, — я выполню любое твое желание». И попросил гордый Равана у Брахмы сделать так, чтобы ни боги, ни демоны не могли одолеть его в битве и лишиться жизни. А про смертного человека ничего не сказал могучий Равана — он не считал его достойным противником. «Да будет так!» — ответил ему Брахма, и с того дня не стало никому — ни богам, ни брахманам — спасения от злой воли безжалостного Раваны. И никто ничего не мог с ним поделаться. Только человек мог погубить повелителя ракшасов, да не было тогда на земле такого человека. И когда боги все вместе припали к ногам Брахмы с мольбой даровать Дашаратхе сына и наделить его невиданной силой, великий Брахма согласился выполнить их просьбу.

По знаку всемогущего творца бог Вишну, Хранитель Мира, взял золотой сосуд с серебряной крышкой, наполнил его сладким молоком, божественным напитком, спустился невидимо на землю и возник вдруг перед Дашаратхой в языках священного огня, плававшего на алтаре. Он был огромен, как горная вершина; на черное тело бога, покрытое львиной шерстью, были наброшены малиновые одежды, и лицо его было красно, как пламя. Вишну протянул золотой сосуд Дашаратхе и сказал: «Ты снискал милость богов, благочестивый царь. Отдай сосуд своим женам, пусть выпьют они божественный напиток, и не будет у тебя в сыновьях недостатка».

Вишну исчез, а счастливый Дашаратха передал драгоценный сосуд своим женам, и они выпили божественный напиток. Первой жене Да-

шаратхи, Каушалье, досталась ровно половина, а Кайкейи и Сумитра пополам допили остальное.

Протекли три дня и три ночи, потух алтарь на северном берегу Сарайю, разъехались по домам гости Дашаратхи, а он остался у себя во дворце в Айодхье терпеливо дожидаться рождения сына.

Когда прошло одиннадцать месяцев и двенадцатый был уже на исходе, разрешились от бремени царские жены и принесли четырех сыновей государю Айодхьи. Сначала Каушалья родила Раму, потом Кайкейи родила Бхарату, а вслед за ними Сумитра родила близнецов — Лакшману и Шатругхну. Великое веселье началось в тот же час на земле и на небе. Загремели литавры, заиграли гандхарвы, небесные музыканты и заплясали апсары, небесные танцовщицы.

Здоровыми, сильными и красивыми удались сыновья царя Дашаратхи, а старший, царевич Рама, превосходил своих братьев разумом, красотой и силой. Глаза у него были розовые, губы — малиновые, голос — зычный, плечи и руки — могучие, как у льва.

Царевичей обучали Ведам, священным и мудрым книгам, великому искусству содержать в порядке государство, вести в ближние и дальние походы войско, управлять в бою колесницей. Все царские и воинские науки братья быстро одолели, и не стало на земле им равных. С гордостью взирал Дашаратха на своих могучих, красивых и благонравных сыновей, и счастьем его не было предела.

ПЕРВЫЕ ПОБЕДЫ НАД РАКШАСАМИ

Однажды пришел в Айодхью брахман, великий подвижник Вишвамित्रа. Он подошел к царскому дворцу и велел стражам сказать Дашаратхе о своем приходе. Владыка славной Айодхьи несказанно обрадовался нежданному гостю и поспешил со своими советниками к нему навстречу. С поклоном проводил его Дашаратха в дворцовые покои, усадил на почетное место и обратился к нему с ласковой речью: «Своим приходом ты обрадовал меня, Вишвамित्रа, как дождь радует земледельца в зное, засушливое время, как радует земного человека божественный напиток бессмертных. Поведай же мне, благочестивый старец, свои заботы, а я исполню все, что ты захочешь».

С радостью внимал Вишвамित्रа приветливой речи государя Кошала, а потом рассказал ему о своем несчастье. «В глухом лесу стоит моя

обитель, — сказал Дашаратхе подвижник, — и священный огонь на моем алтаре не угасает ни днем, ни ночью. Я приношу небожителям жертвы и укрепляю душу суровым покаянием. Но вот пришли в мой лес злые ракшасы Марича и Субаху и по приказу Раваны, их владыки, всячески над моим алтарем надругались: огонь гасили и приносимые богам жертвы пожирали. Твой старший сын Рама уже вырос, отпусти его со мной в лес ненадолго. Только он один может защитить мою обитель».

Царь Дашаратха не ждал от отшельника такой просьбы. Он всегда был верен своему слову, и горько ему стало от того, что пообещал Вишвамित्रе исполнить все его желания. Он боялся отпускать в страшный лес любимого сына, он тревожился за его жизнь и потому стал уговаривать Вишвамитру не забирать юного Раму из Айодхьи.

«Мой лотосоглазый Рама, — сказал он грустно Вишвамित्रе, — не стал еще зрелым мужем. Ему не одолеть в битве Маричу и Субаху. Возьми лучше все мое войско, я сам пойду с ним охранять твой алтарь и твою обитель. Шестьдесят тысяч лет живу я на свете и только недавно обрел сына. Нет у меня силы посылать его на погибель».

Оскорбленный отказом государя Айодхьи, Вишвамित्रа возгорелся гневом. Он сказал Дашаратхе: «Если ты, царь, не удержишь слова, не будет счастья ни тебе, ни твоему роду; не сохранят твои сыновья царского престола и не уберечься тебе от великого бесчестья».

Едва Вишвамित्रа произнес свою угрозу, как под ногами у всех задрожала земля, царский дворец и все дома в Айодхье зашатались, а Дашаратха и его советники не могли вымолвить ни слова от страха. Видно, не только Вишвамитра, но и все боги разгневались на государя Айодхьи.

Тогда перед царем встал благородный Васиштха. Он произнес хвалу благочестивому Вишвамित्रе и обратился к опечаленному Дашаратхе с такими словами: «Тебе не к лицу нарушать свое обещание, государь. Ты напрасно боишься отпустить в лес Раму. Твоя правда, он не стал еще зрелым мужем, но и то правда, что на земле нет человека, который мог бы с Рамой сравниться силой и воинским искусством. Он легко одолеет в битве Маричу и Субаху и вернется в Айодхью невредимым».

Страшно было Дашаратхе отпускать от себя любимого сына, но не хотел он, чтобы сбылись грозные слова Вишвамитры, и скрепя сердце дал государь свое согласие.

На другой день рано утром Вишвамित्रа вышел из ворот Айодхьи и направился в свою обитель, а юный и могучий царевич Рама шел за ним следом. Лакшмана, который ни за что на свете не хотел расставаться с любимым братом, нес его лук и стрелы.

К вечеру они пришли к правому берегу Сарайю, и Вишвамित्रа ласково попросил Раму зачерпнуть в ладони речной воды. Рама послушно выполнил его просьбу, и тогда Вишвамित्रа произнес над водой в ладонях у Рамы такое заклинание: «Да не коснутся тебя, царевич, усталость, дурной глаз и лихорадка; да не нападут на тебя ракшасы внезапно ни днем, ни ночью; да не сравнится никто с тобою ни в бою, ни в споре, ни в мудрости, ни в удаче; да не потревожат тебя ни нужда, ни холод!» Затем Рама маленькими глотками выпил эту воду, и все трое легли спать на берегу реки, и трава служила им ложем.

Долгий путь прошли царевичи и Вишвамित्रа от берегов Сарайю до великой Ганги, на лодке переправились на другой берег и вскоре оказались перед глухим и страшным лесом, полным хищных зверей и ядовитых гадов. «Здесь обитает мать ракшаса Маричи, кровожадная Тарака, — сказал Раме Вишвамित्रа. — Ростом она с великую гору, и тысяча слонов не могут сравниться с ней силой. Ни один путник не может от нее укрыться, всех пожирает страшное чудовище. Она сейчас стоит на лесной дороге, и тебе придется убить ее, Рама, чтобы могли мы идти дальше и чтобы здешние люди могли жить спокойно».

«Да будет так», — ответил Рама Вишвамитре, и, вступив в лес, они пошли прямо навстречу Тараке. Рама взял в руки лук и стрелы, тронул кулаком тугую тетиву, и звон тетивы разнесся далеко по лесу. Его слышали звери и птицы, донесся он и до ракшасы, стоявшей на дороге. Тотчас великая злоба охватила Тараку и лишила ее рассудка. В ярости помчалась она по дороге навстречу Вишвамитре, Раме и Лакшмане. Со страшным ревом, подымая клубы пыли, неслась безобразная ракшасы и бросала в путников огромные камни.

Царевичи загорелись гневом. Грозно зазвенели тетивы их боевых луков, и острые стрелы отсекали нос и уши у кровожадной Тараки. Но боль только прибавила ей силы. Ливень камней, летевших в отшельника и братьев, становился все опаснее. «Убей ее, — сказал Вишвамित्रа Раме, — убей скорее, пока не наступил вечер. В темноте ее не одолеешь!»

Никогда еще Рама не лишал жизни женщину и теперь не стал бы, да не унималась злобная Тарака, не отступала. Ради Лакшманы, люби-

мого брата, ради святого старца Вишвамитры пришлось Раме сразить Тараку насмерть. Змеей сверкнула в воздухе неотвратимая стрела — и голова Тараки, будто срезанная серпом, покатилась по дороге.

Царевичи и старый брахман провели ночь в лесу, а наутро Вишвамитра сказал Раме с ласковой улыбкой: «Я доволен тобою, сын Дашаратхи. Воистину, ты — великий воин. Я подарю тебе сейчас чудесное оружие небожителей, и ты никогда не будешь знать поражений в битвах. Я подарю тебе грозные сверкающие диски, быстрые и меткие стрелы, тяжелые палицы, булавы и секиры».

Вишвамитра повернулся лицом к востоку, шепотом стал читать заклинания, и вскоре перед Рамой, изумленным таким чудом, явилось божественное оружие. Длинными рядами встали перед Рамой мечи, палицы и секиры и человеческим голосом сказали ему: «Ты — наш господин, великий Рама, а мы — твои слуги. Все, что ты прикажешь, мы исполним». Благодарный Рама низко поклонился Вишвамитре и сказал мечам, палицам и секирам: «Явитесь передо мной, когда я позову вас на помощь». И чудесное оружие исчезло.

Вишвамитра и братья-царевичи пошли дальше, миновали дикий лес ракшаси Тараки и вскоре пришли в прекрасную местность, изобилующую благоуханными цветами и тенистыми деревьями. Там весело щебетали певчие птицы, и в прозрачных водах ручья плескались серебристые рыбы. В этом месте была тихая обитель Вишвамитры.

Первую ночь Рама и Лакшмана отдыхали, а на следующую ночь поставил их Вишвамитра охранять священный огонь на алтаре. Пять ночей братья провели у алтаря без тревоги, а на шестую велел им Вишвамитра надежнее вооружиться.

Ярко горел на алтаре священный огонь, брахманы-отшельники вместе с Вишвамитрой шептали молитвы и приносили богам жертвы, и кругом было темно и тихо. Вдруг раздался над алтарем грозный гул, и на священный огонь обрушились потоки черной крови, осквернившие жертвенные цветы и травы.

Как лев бросился Рама к алтарю, взглянул в темное небо и увидел в воздухе кровожадных пожирателей мяса Маричу и Субаху. Юный сын Дашаратхи натянул лук — и смертоносная стрела ударила Маричу в грудь с такой силой, что злобный ракшас пролетел по воздуху сто йоджан и упал в бурные волны океана. Вторая стрела Рамы пронзила насквозь Субаху; ракшас свалился на землю и забился в предсмертных корчах.

Благочестивые отшельники с радостными восклицаниями окружили обоих сыновей Дашаратхи, и Вишвамित्रа сказал Рама: «Ты могучий и доблестный воин, Рама. Ты исполнил повеление государя Айодхьи и спас от поругания нашу обитель».

РАССКАЗ О ДОЧЕРЯХ КУШАНАБХИ

Когда наступило следующее утро, братья-царевичи пришли к Вишвамитре, почтительно поклонились ему и сказали: «Перед тобой твои слуги, благочестивый отче. Скажи нам, что мы еще должны для тебя сделать?»

Брахман сказал им: «В славном городе Митхиле царь Джанака приносит богам великие жертвы. Отовсюду идут в Митхилу люди, и мы все пойдем туда же. У царя Джанаки хранится чудесный и могучий лук, и никто до сих пор не смог его согнуть и натянуть тетиву. Многие герои, цари и небожители побывали в Митхиле, но никому из них не удалось сделать это».

По знаку Вишвамитры отшельники запрягли быстрых коней в колесницы, и все отправились в Митхилу, а следом за ними бежали звери и летели птицы. Путь их лежал на север. К высокой горе Химават, к могучей реке Ганге, в главный город царя Джанаки — Митхилу.

Окончился день, и дорогу закрыла ночная тьма. Вишвамित्रа остановил колесницы и велел всем отдыхать на берегу реки Сомы. После вечерних молитв и омовений, когда все сидели на траве вокруг Вишвамитры, Рама попросил благочестивого старца рассказать ему про лежащие по берегам Сомы земли.

«Некогда, — начал рассказывать мудрый брахман, — жил на земле Куша, сын Брахмы. У него было четыре сына: Кушамба, Кушанабха, Асуртараджа и Васу. Когда они подросли, Куша отправил их в разные стороны света и сказал им: «Добывайте себе царства». Эти чудесные леса и пашни, луга и реки завоевал Кушанабха, второй сын Куши, и основал здесь свое царство.

Сто прекрасных, как жемчужины, дочерей имел Кушанабха. Юные и прелестные, они резвились в цветущем саду, блистая, как звезды в облаках. И увидел их там однажды могучий Вайю, бог ветра и дыхания, и сказал: «Вы желанны мне, прекрасноликие. Будьте моими женами, и вы обретете вечную юность и бессмертие». Дочери Кушанаб-

хи почтительно склонились перед богом и сказали: «Ты всевластен, ты — сущность жизни, великий Вайю, но зачем ты предлагаешь нам бесчестье? Нам, целомудренным дочерям Кушанабхи, нельзя слушать такие речи. Только наш отец волен нами распорядиться, он — наш бог и повелитель. У него ты и проси нас себе в жены».

Гордые слова дочерей Кушанабхи привели божество в ярость, и в гневе не пощадил Вайю целомудрия юных красавиц.

Со слезами стыда на ресницах, со вздутыми животами прибежали царевны к Кушанабхе и с плачем все ему рассказали. Но не стал казнить дочерей благородный Кушанабха, он похвалил их за благонравие и стыдливость и стал думать, что делать с царевнами дальше. И надумал царь отдать своих дочерей в жены юному Брахмадатте, государю города Кампильи.

Кушанабха отправил к нему послов с богатыми дарами, предложил ему своих дочерей в жены, ничего не скрывая, и Брахмадатта с радостью согласился. Кушанабха отпраздновал пышную свадьбу, и, когда Брахмадатта прикоснулся к своим женам, совершилось великое чудо: вздутые тела их распрямились и стали юные царицы еще прекраснее, чем были прежде.

Выдал Кушанабха дочерей замуж и остался опять без потомства. Стал он молить богов даровать ему сына, и боги согласились — через некоторое время родился у него могучий сын, и Кушанабха назвал его Гадхи. Это был мой отец, и весь этот прекрасный край был ему подвластен».

Пока Вишвамित्रа рассказывал, незаметно подкралась ночь: замерли деревья, затихли звери и птицы; яркие звезды — небесные очи — густо усыпали ночное небо, и взошла луна, разрушительница тьмы, радуя своим сиянием сердца всех живущих на земле.

Вишвамित्रа умолк. Братья-царевичи и отшельники воздали мудрому старцу, искусному в речи, великую хвалу, и все легли отдыхать, чтобы не в тягость был им завтрашний долгий путь.

РАССКАЗ О ЧУДЕСНОЙ КОРОВЕ И ПОДВИЖНИЧЕСТВЕ ВИШВАМИТРЫ

К концу следующего дня зоркие слуги донесли Джанаке, что едет в Митхилу великий Вишвамित्रа и охраняют его два могучих и прекрасных воина. Царь, его жрецы и советники поспешили навстречу

благочестивому подвижнику, с низким поклоном отворили перед ним городские ворота и проводили его в царские покои. Царь усадил желанного гостя на почетное место, велел подать ему сладкие плоды и прохладную воду и, по обычаю, спросил Вишвамитру, здоров ли он и какие заботы привели его в Митхилу. Вишвамитра ответил царю: «Здесь, в Митхиле, великий государь, богам приносят великие жертвы, и слух о них проник в мою обитель. Вместе со мной пришли в твой город славные сыновья Дашаратхи — Рама и Лакшмана. Они спасли мою обитель от ракшасов Маричи и Субаху и сразили их обоих в ночной схватке. Они здесь, в твоей столице, благочестивый царь, чтобы взглянуть на чудесный лук бога Шивы, Разрушителя Мира».

Рассказ Вишвамитры о воинском искусстве и доблести юных сыновей Дашаратхи, о великом подвиге Рамы изумил Джанаку и его советников. Царский жрец Шатананда, воздав хвалу храбрости Рамы и Лакшманы, сказал обоим братьям: «Счастлив тот, кого одарил покровительством и дружбой мудрый Вишвамитра. Послушайте, я расскажу вам о необычайной судьбе великого подвижника.

В давние времена Вишвамитра, сын Гадхи, внук Кушанабхи, правнук Куши, был царем и правил всей землей много тысяч лет. Однажды он объезжал со своим войском города и селения, реки и горы, леса и хижины отшельников. И встретила ему на пути обитель подвижника Васиштхи, прославленного благочестивыми подвигами, полная благоуханных цветов, чистых водоемов, ярких лугов, птиц и диких зверей. В этой обители Васиштха и его ученики читали священные книги, возносили к небу молитвы и приносили богам жертвы. Пили они только воду, ели плоды и корни, и постелью им служили листья и травы.

Отшельник рад был знатному гостю и предложил ему и его войску отдых, питье и пищу. Но царь Вишвамитра отказался: не хотелось ему брать пищу для себя и своего большого войска у бедных подвижников, изнуряющих себя голодом и суровыми покаяниями. Только Васиштха не принял государева отказа. Он хлопнул в ладоши и громко крикнул: «Эй, Шабала! Иди скорей сюда и выслушай меня».

На его зов прибежала Шабала, божественная корова, обладавшая чудесным даром исполнять любые желания, и Васиштха сказал ей: «Я хочу накормить царственного гостя и все его войско. Пусть каждый воин получит все, что пожелает». И Шабала дала воинам все, что

им хотелось: и сахарный тростник, и варенный в молоке рис, и масло, и плоды, и вино, и воду. Гости ели и пили вволю и хвалили гостеприимство Васиштхи. И сказал тогда изумленный царь Вишвамित्रа: «Послушай меня, о благочестивый подвижник, подари мне Шабалу. Воистину, ты владеешь драгоценностью, но хранить сокровища — это дело царей, а не подвижников. Сто тысяч коров я дам тебе за нее, и она будет принадлежать мне по праву».

«Не расстанусь я, государь, с Шабалой, — ответил ему Васиштха, — ни за сто тысяч коров, ни за десять раз по сто тысяч. Как слава неразлучна с силой, так и я неразлучен с Шабалой». Тогда царь предложил подвижнику больше. «Я дам тебе за Шабалу, — сказал он Васиштхе, — четырнадцать тысяч слонов в золотом убранстве, восемьсот золотых колесниц, запряженных белоснежными конями, коров и лошадей без счета». Старый отшельник и на этот раз не согласился. «Я ни за что не отдам тебе Шабалу, — сказал он Вишвамитре сурово. — Она — моя жемчужина, она — все мое богатство. Нет у меня ничего дороже Шабалы, в ней, в Шабале, вся моя жизнь».

Царь Вишвамित्रа разгневался, велел воинам силой забрать у подвижника корову и отправился со своим войском дальше.

Невесело было божественной Шабале идти с войском царя Вишвамитры, тоска по обители не давала ей покоя. И не вынесла печали чудесная корова. Кинулась она на воинов Вишвамитры, побила их, потоптала и, как ветер, помчалась обратно в обитель. Прибежала Шабала в обитель, подошла к Васиштхе и с обидой спросила: «Чем я провинилась перед тобой, брахман? Зачем ты отдал меня чужому человеку?» — «Ни в чем ты передо мной не виновата, Шабала, — ответил ей Васиштха. — Державный царь забрал тебя своей волей. Где уж мне равняться с ним силой!» Тогда Шабала сказала Васиштхе: «Не печалься. Пусть злой царь приходит сюда с любым войском. Я всех заставлю уйти отсюда с позором».

Благочестивый отшельник повелел Шабале сотворить воинов, храбрых и грозных, и поставил их охранять обитель. И когда царь Вишвамित्रа вернулся к Васиштхе, чтобы снова отнять у него Шабалу, его встретило непобедимое войско. Бросились в бой яростные воины Вишвамитры, и закипела жаркая битва. Сотнями, тысячами гибли воины Шабалы, а на их место она ставила новых. И не выдержал губительной схватки Вишвамित्रа. Войско его все редело и редело.

ло, сто сыновей потерял он в этой битве и, наконец, с позором бежал с поля боя.

И стал тогда Вишвамित्रа как птица без крыльев, и похолодели, застыли его душа и сердце. Отдал он свое царство оставшемуся в живых сыну, сказал ему: «Правь землей, как кшатрию подобает», — и ушел в Гималаи. Там он стал жить как отшельник и подверг себя суровому покаянию.

Благочестивые подвиги Вишвамитры тронули грозного бога Шиву, и явился он Вишвамитре и сказал: «Чего ты добиваешься, благочестивый? Назови мне твое желание, и я все исполню». Вишвамитра ответил Разрушителю Мира: «Дай мне оружие, которым владеют боги, и пусть оно будет мне подвластно». — «Да будет так», — сказал Шива, и велика стала радость Вишвамитры. Он немедля покинул Гималаи, добрался до обители Васиштхи и стал метать в нее смертоносные божественные диски. Страх овладел подвижниками и учениками Васиштхи, испугались даже птицы и звери. И все бросились бежать куда глаза глядят, и вмиг опустела цветущая обитель. Тогда пришлось сыну Брахмы, благочестивому и мудрому Васиштхе, вступить в бой с Вишвамитрой.

Не помогло божественное оружие Вишвамитре, и в этой схватке одолел кшатрия брахман и обратил Вишвамитру в бегство.

Дважды был посрамлен великий царь в борьбе с благочестивым подвижником Васиштхой, и решил он снова уйти в Гималаи и добыть себе у богов брахманство. С сердцем, сгоравшим от стыда и унижения, Вишвамитра ушел в горы и предался изнурительному покаянию. Тысячу лет он истязал себя суровым подвижничеством, и боги изумились его упорству и силе духа. Они пришли к нему во главе с Брахмой, и Создатель Мира сказал ему: «Перестань истязать себя, Вишвамитра. Отныне ты не просто кшатрий, а царственный подвижник». Но не к этому упорно стремился Вишвамитра, и он не прекратил своих покаяний.

Так прошло еще много лет, и случилось однажды Вишвамитре увидеть купающуюся в озере красавицу-апсару Менаку. Прельстительная нагота ее сверкнула перед ним, как луч солнца в облачном небе, и сети Камы, бога любви, опутали душу сурового подвижника. И тогда Вишвамитра сказал Менаке: «О апсара, я увидел тебя, и могучий Кама лишил меня стойкости и силы. Я прошу тебя, прекрасная, полюби меня и войди в мое жилище». И Менака вошла в хижину Вишвамитры и прожила в ней пять лет, а потом еще столько же. И так велика была

страсть Вишвамитры, что десять лет любви показались ему не длиннее одного дня и одной ночи.

А через десять лет стыд и раскаяние одолели его. И прозрел тогда царственный подвижник и понял, что это боги подослали к нему Менаку, чтобы испытать его благочестие и добродетель. Тогда Вишвамитра прогнал от себя красавицу-апсару, подавил в себе все мирские желания и подверг себя тяжким мукам. Он стоял, воздев руки к небу, и только воздух один служил ему пищей. Летом он окружал себя пятью кострами, в дождь не укрывался от потоков небесной влаги, а зимой погружался в воду и оставался в воде и днем, и ночью.

Сотни лет простоял Вишвамитра с воздетыми к небу руками, и боги снова решили испытать его добродетель. Грозный Индра, Повелитель Небесных Молний, призвал к себе Рамбху, красавицу-апсару, и велел ей соблазнить Вишвамитру. «Ступай к нему в горы, — сказал ей Индра, — и чарующими плясками и пением зажги в подвижнике любовные желания». Рамбха послушно склонилась перед Индрой и направилась к Вишвамитре.

Дрогнуло сердце великого подвижника, когда увидел он танцующую Рамбху, когда услышал ее нежный голос. Он смотрел на нее, не спуская глаз, и страсть проникла ему в душу. Но на этот раз суровый подвижник не позволил одолеть себя коварному Каме, не поддался на хитрые уловки Индры и в гневе проклял Рамбху за лукавство. «Ты хотела смутить мою душу, — сказал ей Вишвамитра. — За это на тысячу лет обратишься в камень». И Рамбха обратилась в камень. Горько стало Вишвамитре от того, что поддался он гневу. «Отныне не будет в моей душе места страсти, — поклялся он. — Отныне я не произнесу ни слова и до тех пор ни есть, ни пить, ни дышать не буду, пока перед всем миром не объявят меня брахманом боги».

Многие сотни лет простоял Вишвамитра, воздев руки к небу, без дыхания, без воды, без пищи, и столь велика стала его святость, что небожителям стало страшно. Испугались боги, что во всем мире не станет преград могучей воле Вишвамитры. Тогда пришли они к Брахме и попросили его даровать Вишвамитре все, что он пожелает. И Брахма согласился. Он явился Вишвамитре и сказал: «Отныне ты не кшатрий, не царственный подвижник, а великий брахман, и дни твоей жизни будут бесконечны. Все брахманы в этом мире и даже великий Васиштха будут почитать твою святость». И всемогущий

Брахма примирил Вишвамитру с Васиштхой, и стали они с тех пор друзьями».

С изумлением слушали Шатананду царь Джанака, его советники и гости, и, когда умолк искусный рассказчик, государь Митхилы почтительно склонился перед Вишвамитрой и сказал: «Необычайна судьба твоя, благочестивый отец, и я рад твоему приходу в Митхилу. Считаю себя здесь господином — все мы в этом царстве твои слуги». Царь Джанака еще раз поклонился Вишвамитре и, пожелав гостям доброй ночи, удалился в свои покои.

ЛУК ШИВЫ И ЖЕНИТЬБА РАМЫ И ЛАКШМАНЫ

Когда наступило следующее утро, царь Джанака призвал к себе Вишвамитру и сыновей Дашаратхи и сказал: «Я — твой верный слуга, благочестивый подвижник. Скажи мне, чего ты хочешь в Митхиле?» Вишвамитра ответил царю: «Перед тобой, государь, сыновья Дашаратхи, прославленные в этом мире своим воинским искусством. Они знают, что есть в Митхиле могучий лук бога Шивы. Доблестные царевичи просят тебя, великий царь, показать им этот лук».

Рама и Лакшмана, почтительно сложив перед лицом ладони, низко поклонились повелителю Митхилы, и Джанака сказал им: «Да сопутствует вам счастье, отважные воины! Грозный лук Разрушителя Мира издавна хранится и почитается царями Митхилы. Некогда небожители разгневали Шиву, и решил всемогущий бог наказать их за обиду. Он взял свой лук, натянул тетиву и хотел было отправить обидчиков в царство Ямы, бога смерти, да склонились они с повинной перед Шивой, и сжалился он над ними: сменил гнев на милость. Но столь велик был страх у небожителей перед грозным луком, что они упросили Шиву убрать его с небес на землю и подарить земному государю. И чтобы не ведали боги страха и жили спокойно, Шива вручил свой лук Деварате, царю Митхилы, и повелел хранить его в нашем роду вечно. Нерушимым обетом связан я с луком Шивы и берегу этот лук как зеницу ока. Я поведаю тебе, великий Вишвамитра, и вам, доблестные сыновья Дашаратхи, о своем обете.

Много лет я царствовал в Митхиле, а боги все не давали мне потомства. И решил я тогда умиловить богов великой жертвой. Все-

ведущие брахманы, мои советники, выбрали место — поле — для возведения алтаря и велели мне вспахать это поле плугом. И вот когда я, царь Митхилы, шел за плугом, из борозды мне навстречу поднялась вдруг прекрасная дева. То была Сита, моя возлюбленная дочь, дарованная мне Матерью-Землей. И возрадовался я тогда милости небес и принес богам клятву, что лишь тот станет супругом Ситы, кто сумеет натянуть тетиву на могучий лук грозного Шивы.

По всей земле разнеслась молва о божественной красоте Ситы, и отовсюду шли женихи в Митхилу. Многие цари и знатные воины пожелали натянуть тетиву на лук Шивы и взять себе Ситу в жены, но никто из них даже поднять этот лук был не в силах. Тогда царственные женихи оскорбились — почудилось им, что государь Митхилы только потешался над ними. С огромным войском женихи пошли на Митхилу. Целый год осаждали они мою столицу, и вскоре силы мои истощились. Но великие боги не дали меня в обиду, они прислали огромное войско мне в помощь, и враги мои с позором разбежались.

Я покажу сыновьям славного Дашаратхи божественный лук Разрушителя Мира, и, если могучий Рама согнет этот лук и натянет на него тетиву, прекрасная Сита станет супругой Рамы».

«Да будет так», — сказал Джанаке Вишвамित्रа, и государь Митхилы велел своим советникам немедля доставить во дворец чудесный лук грозного Шивы.

Царские советники послали за луком Шивы большое войско. Пять тысяч могучих воинов с превеликим трудом влекли по улицам Митхилы тяжелую колесницу. У дворца великого Джанаки воины остановили колесницу, сняли с нее огромный кованный железный ларь и поставили его на землю.

«Здесь, в этом ларе, — сказал Джанака Вишвамित्रе, — лежит лук Шивы, почитаемый царями Митхилы. Пусть увидят его сыновья Дашаратхи».

По знаку Вишвамитры Рама открыл ларь, легко поднял одной рукой лук, надел на него тетиву и натянул ее с такой силой, что божественный лук Шивы сломался на две половины. И в тот же миг раздался такой великий гром, как будто огромная гора упала и разбилась на тысячи кусков, и затряслась земля, и в страхе все упали на землю, только Вишвамित्रа, Джанака и сыновья Дашаратхи стояли недвижимо.

Долго Джанака не мог вымолвить от удивления ни слова, а потом обратился к Вишвамित्रе с такой речью: «Великое чудо свершилось сегодня в Митхиле, благочестивый подвижник. Никогда не думал я доселе, что простой смертный может обладать такой дивной силой. Могучий Рама надел тетиву на лук Шивы, и теперь я свободен от нерушимого обета, а прекрасная Сита нашла себе достойного супруга. Она будет преданной женой доблестному сыну Дашаратхи и прославит во всем мире древний род государей Митхилы. Пусть же мчатся мои послы в Айодхью на быстрых колесницах, пусть расскажут обо всем царю Дашаратхе и пригласят его в мою столицу».

И Вишвамित्रа сказал: «Да будет так», и послы Джанаки отправились в Айодхью, чтобы поведать обо всем Дашаратхе и привезти его в Митхилу.

Три дня и три ночи провели в пути послы государя Митхилы, а на четвертый день прибыли в Айодхью. Торжественно вступили они во дворец Дашаратхи, низко поклонились повелителю Кошалы и сказали: «Наш владыка, царь Джанака, шлет тебе, великий государь, привет и желает тебе и твоим ближним благополучия и долгих лет жизни. Наш господин, царь Джанака, велел нам поведать тебе, владыка, что сын твой, могучий Рама, с братом Лакшманой и благочестивым Вишвамित्रой пришел в Митхилу, попросил показать ему лук грозного Шивы и свершил то, что никому на земле до сих пор не удавалось. Он согнул лук Шивы, надел на него тетиву и натянул ее с такой невиданной силой, что лук всемогущего бога сломался на две половины. И государь наш, повелитель Митхилы, верный своему обету, отдает могучему Раме в жены свою дочь, прекрасную Ситу, и приглашает тебя, благородный Дашаратха, на свадьбу в Митхилу».

С великой радостью выслушал Дашаратха послов государя Митхилы, щедро одарил их за счастливые вести и сказал своему советнику Васиштхе: «Царь Джанака милостиво встретил сына Каушалы в Митхиле и отдает ему свою дочь в жены. Сита славится во всем мире неземной красотой и добрым нравом, а родство с государями Митхилы еще больше возвысит наше царство. А посему надлежит нам, мудрый Васиштха, спешить в Митхилу на великий праздник, на свадьбу моего любимого сына.

Приготовь, Васиштха, щедрые дары для Джанаки и Ситы, для всех ближних государя Митхилы. Возьми из казны моей, не жалея, золо-

тые ожерелья и дорогие камни-самоцветы, шитые серебром и золотом ткани; возьми молодых рабынь, красивых и кротких; боевых слонов, грозных и могучих; резвых скакунов из царских конюшен и пошли мои дары в Митхилу под охраной надежного войска. И прикажи моему возничему Сумантре готовить в дорогу колесницы, чтобы выехать нам завтра утром в Митхилу».

На следующее утро Дашаратха, его сыновья, жены и советники взошли на сверкающие золотом колесницы и под охраной большого войска выехали из ворот Айодхьи. С радостным сердцем спешил Дашаратха увидеть Раму, Лакшману и Вишвамитру, и на пятый день пути взору государя Кошалы предстали высокие стены Митхилы.

С великими почестями встретил Джанака благородного Дашаратху у ворот столицы и сказал: «Я счастлив видеть тебя в Митхиле, государь. Чудесный подвиг Рамы породнил нас, преславный Дашаратха, и свадьба детей наших укрепит и возвеличит наши царства. Войди же, государь, в мою столицу и будь в ней не гостем, а полновластным господином».

Дашаратхе по сердцу пришлось и великие почести, и приветливые речи государя Митхилы, и он ласково ответил Джанаке: «Мои мудрые наставники, ученые брахманы, еще в детстве внушили мне не отвергать дарованное. Твоя дочь, красавица Сита, — воистину, божий дар, а дружба и союз с тобою, благородный Джанака, — великое благо».

Джанака и его советники проводили знатных гостей в отведенные для них покои, и государи, довольные друг другом, расстались до следующего утра.

На другой день во дворце царя Митхилы стали готовиться к свершению свадебных обрядов. Джанака радовался родству и союзу с могущественным государем Кошалы и обратился к Дашаратхе с такой речью: «Есть у меня, великий царь, другая дочь, юная и прелестная Урмила, а у тебя есть сын, доблестный Лакшмана, верный брат могучего Рамы. Я отдам отважному Лакшмане в жены лотосоокою и кроткою Урмилу, и пусть вечной будет наша дружба». — «Да будет так», — с радостью согласился Дашаратха, и тогда в беседу государей вступил мудрый и благочестивый Вишвамитра.

«О великий царь, — сказал Джанаке Вишвамитра, — у брата твоего Кушадхваджи есть две дочери, прославленные красотой и благородством. Пусть брат твой отдаст их в жены сыновьям Дашаратхи Бхарате и Шатругхне, пусть брахманы, искушенные в свадебных обрядах, со-

единят завтра сыновей Дашаратхи с прелестными царевнами Митхилы, и да будет дружба двух царств нерушима».

Мудрые слова благочестивого старца Вишвамитры прилились по сердцу обоим государям, и на радостях они подарили брахманам Митхилы и Айодхьи тысячи коров, сотни лошадей, много золота, серебра и драгоценных тканей.

Для свершения свадебного обряда царские зодчие построили высокий помост, украсили его цветами и золотом и поставили на нем алтарь. Благочестивый Васиштха прочел над помостом священные заклинания, брахманы развели на алтаре огонь и принесли жертвы богам. Затем брахманы подвели к алтарю Ситу и Раму, одетых в богатые свадебные наряды, и поставили их друг против друга. И Джанака сказал: «Да сопутствует тебе счастье, могучий Рама! Прими дочь мою Ситу, и да будет она спутницей твоей в исполнении жизненного долга. Да будет она предана супругу и да следует она, как тень, за тобой повсюду!»

Потом брахманы подвели к алтарю Лакшману и напротив поставили Урмилу, а против Бхараты и Шатругхны встали дочери Кушадхаджи — Мандивья и Шрутакирти. Джанака каждому из сыновей Дашаратхи сказал те же слова, что и Раме, а затем женихи взяли своих невест за руки и торжественно обошли вокруг священного огня, царственных своих отцов и благочестивых брахманов. И столь угоден был небожителям свершившийся обряд, что посыпались с небес на землю ароматные цветы, весело заиграли небесные музыканты — гандхарвы и закуружились в пляске красавицы-апсары.

Веселый пир устроил в своем дворце щедрый и радостный государь Митхилы, и были на том пиру знатные гости из Кошалы, именитые горожане Митхилы, могучие соседние государи. Красноречивые сказители славили царевичей Айодхьи и царевен Митхилы, славили великих государей Джанаку и Дашаратху и желали их детям счастья и удачи.

На другой день после свадьбы Вишвамитра удалился в горы, в свою обитель, а царь Дашаратха стал собираться в обратный путь в Айодхью. Джанака подарил сыновьям Дашаратхи, их юным женам и своему другу, повелителю Кошалы, множество рабов и рабынь, лошадей и слонов, дорогих камней-самоцветов, золотой и серебряной посуды. Он проводил гостей до ворот Митхилы, сердечно с ними попрощался, и Дашаратха с сыновьями направился в Айодхью под охраной грозного войска.

ПОЕДИНОК РАМЫ С СЫНОМ ДЖАМАДАГНИ И ВОЗВРАЩЕНИЕ В АЙОДХЬЮ

Едва царские колесницы удалились от Митхилы, как Дашаратха заметил, что заметались в тревоге звери и задул, сотрясая землю, могучий ветер. Страшно закричали в лесу птицы. Черная пелена закрыла солнце, и стало вдруг темно, как глубокой безлунной ночью.

Вдруг перед колесницей Дашаратхи из темноты появился страшный и несокрушимый истребитель кшатриев, сын Джамадагни, по имени Рама. Глаза его были красны от гнева, волосы на голове стояли дыбом, а на плече лежал острый топор и за спиной висел губительный лук бога Вишну. Он приблизился к Дашаратхе грозный, как Шива, повергая брахманов и воинов Айодхьи в трепет. Голосом гулким, как раскаты грома, Рама, сын Джамадагни, сказал, обращаясь к Раме, сыну Дашаратхи: «Некий кшатрий несправедно убил моего отца, благочестивого брахмана Джамадагни, и тогда я поклялся, что уничтожу всех кшатриев на земле. Я слышал о твоей удивительной силе; я слышал, что ты сломал могучий лук бога Шивы. Я хочу драться с тобой в честном поединке, но сначала ты докажи мне, что у тебя есть силы для битвы со мной. У меня за спиной висит лук бога Вишну, он ничем не уступит луку Шивы. Попробуй натянуть его тетиву, прославленный сын Дашаратхи, и, если тебе это удастся, я вступлю с тобой, могучий воин, в единоборство».

Страшная молва катилась по земле о беспощадном губителе кшатриев, сыне Джамадагни. Сердце старого Дашаратхи затрепетало от страха за жизнь его возлюбленного сына, и, смиренно сложив ладони, он стал умолять сына Джамадагни отступить. «Ведь ты уже утолил свой гнев против нашей касты, — сказал ему Дашаратха, — и давно живешь в лесах как благочестивый подвижник. К чему тебе, о праведник, битва? Возлюбленные сыновья мои еще дети».

Но сына Джамадагни не смягчили униженные слова царя Айодхьи. Тогда Рама, сын Дашаратхи, пришел в ярость. «Ладно, — сказал он сыну Джамадагни, — ты испытаешь сейчас мою силу». С этими словами царевич Рама взял в руки лук Вишну, приладил к нему смертоносную стрелу и, натянув тетиву, выстрелил в грудь сына Джамадагни. И миг не стало страшного истребителя кшатриев, и спала черная пелена

МАХАБХАРАТА

с солнца, и все вокруг прояснилось. И тогда Рама сказал изумленному Дашаратхе: «Сын Джамадагни не потревожит нас больше, государь, и мы можем спокойно продолжать наш путь в Айодхью».

С радостью обнял царь Дашаратха своего могучего и непобедимого сына и, успокоенный, поспешил в свою столицу.

Радостными кликами встречали жители Айодхьи своего государя, его отважных сыновей и юных прекрасных дочерей царя Митхилы. Улицы столицы были чисто убраны и политы водой, дома украшены стягами и цветами, весело гремели трубы и литавры, певцы и сказители громко славил удивительные подвиги Рамы, старшего сына Дашаратхи.

Счастливейшим из государей вступил в свой дворец гордый Дашаратха со своими могучими сыновьями, с прелестными царевнами Митхилы. Молодым супругам отвели особые покои, служить им стали послушные рабы и рабыни, и радость воцарилась во дворце повелителя Айодхьи.

Однажды Дашаратха сказал Бхарате, своему сыну, что его и Шатругхну зовет в гости дядя царевичей Ашвапати. Бхарата и Шатругхна поехали в гости к царю Ашвапати, а великий Рама ведать стал царскими делами, помогать отцу править государством.

В радости и согласии жил Рама со своей супругой, красавицей Ситой, и счастлив был ее добротой и любовью.

КНИГА ВТОРАЯ

АЙОДХЬЯ

ОТРЕЧЕНИЕ ЦАРЯ ДАШАРАТХИ

Когда Бхарата покинул Айодхью, чтобы отправиться в город, где правил брат его матери, он взял с собой юного Шатругхну, не ведающего грехов. Оба царевича были приняты добрым царем Ашвапати в его доме как родные сыновья. Окруженные великим почетом и угождением, жили братья в столице Ашвапати, но не переставали помнить о своем престарелом отце. И царь Дашаратха не забывал своих сыновей Бхарату и Шатругхну, пребывающих вдали от родного дома.

Все четверо сыновей были дороги Дашаратхе как члены собственного тела, но первенец, могучий Рама, был отцу всех дороже.

Никто не мог сравниться с царевичем в силе и отваге, и всех превзошел Рама ученостью, и воспитанием, и мудрым разумением. Исполненный добродетелей, он никогда не кичился и не выискивал пороков у других. Чистый душою, он был приветлив и кроток в обращении, незлобив, прямодушен, почтителен со старшими. Постоянно в часы отдыха от упражнений в воинском искусстве он вел полезные беседы с умудренными возрастом, наукою и опытом мужами; и не было никого, кто более Рамы был сведущ в делах и обязанностях правителей государства. Он знал Веды и веданги, законы и обычаи, был красноречив и рассудителен; и он никогда не уклонялся с пути долга. Он был щедр и милостив к беднякам, почитал брахманов, был сострадателен к несчастным и сурово карал злодеев. Безмерно добр он был к своим подданным, и подданные любили его.

И вот царь Дашаратха, радуясь тому, что сын его наделен столькими достоинствами, и поразмыслив, так сказал себе: «Я должен поза-

ботиться о том, чтобы Рама, любимый сын мой, стал царем еще при моей жизни. Я знаю, что всегда стремится он к благу народа. И народ предан ему еще больше, чем мне. Поставив Раму на царство, смогу я спокойно покинуть этот мир».

Царь объявил советникам о намерении своем и повелел созвать в Айодхью благородных раджей и властителей из различных стран земли. Только Джанаку и царя кекаев второпях не успел пригласить Дашаратха, но решил, что потом пошлет к ним гонцов с добрыми вестями.

И из разных стран пришли в Айодхью во множестве раджи и владетельные кшатрии со своими воинами и слугами и явились в собрание, где восседал могучий Дашаратха, покоритель вражеских городов, и сели по старшинству на те места, которые он указал им. И подвластные Дашаратхе цари, пребывающие обычно в его столице, сошлись там, и в окружении царственных воинов владыка Айодхьи восседал на блистающем троне, как владыка небес в окружении бессмертных богов.

Тогда сказал Дашаратха в собрании раджей голосом, подобным раскатам грома, торжественным и звучным: «Ведомо вам, о мужи, сколь я радею о благе страны и народа, следуя в том славным предкам моим, — ведь все они пеклись о подданных, как о собственных детях. Но многие тысячи лет протекли с тех пор, как начал я править землю под сенью белого балдахина государей, старость согнула мои плечи, и бремя царского долга утомило меня. Ныне я стремлюсь к покою, и с согласия всех собравшихся здесь дважды рожденных, ради блага подданных я возлагаю тяжкое это бремя на старшего моего сына, одаренного всеми качествами, какие должно иметь государю. Завтра утром я намереваюсь возвести его на трон. Думаю я, что не только для меня, но и для всей страны будут от этого великая польза и утешение. Рассудите же, о мужи, прав ли я; ведь беспристрастные мыслят здраво, и лишь свободное суждение ведет к решению, согласному с истиной».

Едва окончил Дашаратха свою речь, как раздались в собрании громкие возгласы одобрения. Цари, военачальники и брахманы, горожане и жители дальних областей выразили непритворную радость; многократно воздали они хвалу благодетельной мудрости Дашаратхи и достоинствам Рамы. Воздев над головою руки со сложенными ладонями, они единодушно изъявили свое согласие с решением царя.

Видя эти многочисленные знаки одобрения, царь Дашаратха возрадовался душою и поручил Васиштхе и другим брахманам приготовить на завтра все для обрядов, совершаемых при возведении наследника на трон, и тогда приветственные клики собравшихся сотрясли землю. Дашаратха же, отдав распоряжения Васиштхе, призвал к себе Сумантру, колесничего, и повелел ему отправиться за Рамой и привезти его в собрание.

И Дашаратха, стоя в том блистательном собрании среди царей Севера и Юга, Востока и Запада, среди арийских властителей и вождей варваров, как Индра-громовержец среди марутов, узрел своего сына, приближающегося ко дворцу в сиянии своей красоты и мужества, обликом подобного повелителю гандхарвов, любезного взорам и сердцам людей, как благостный ливень, укрощающий жестокий зной летнего дня.

Сойдя с колесницы, Рама быстро взбежал по ступеням дворцовой лестницы — Сумантра же шел за ним следом — и предстал перед отцом, сложив смиренно ладони. И, возгласив имя царя, Рама склонился к его ногам. Царь Дашаратха взял сына за руки, привлек его к себе и обнял. Потом он указал Раме место, приготовленное для него на возвышении, украшенном золотом и драгоценными камнями, и, возведя сына на возвышение, излучающее золотой блеск, царь обратился к нему с такими словами: «Рожденный первою моею женою, равной мне достоинствами, украшенный высокими добродетелями, ты, о Рама, мой достойный сын, милый сердцу! Твое величие и благородство духа принесли тебе славу и любовь народа; потому в эти дни, когда луна пребывает в созвездии Пушья, прими звание государя. Да будет правление твое благим для твоего народа; обуздывая гнев и страсть, избегай зла, храни смирение; верши мудро правосудие над подданными, и тем ты умножишь их любовь и преданность и великое познаешь блаженство, с коим сравнится лишь то, что доступно вкушающим амриту бессмертным богам».

Услышав речи Дашаратхи, друзья и доброжелатели Рамы поспешно покинули собрание, чтобы принести радостные вести царице Каушалье. И эта лучшая из женщин щедро одарила добрых вестников золотом, и коровами, и всяческими драгоценностями.

Разошлись и другие, присутствовавшие в собрании, воздав почести царю и царскому сыну. Дашаратха же удалился во внутренние покои и там, призвав к себе Раму, сказал ему: «О Рама, я исполнил свой

долг в этом мире, и все, что мне еще осталось, — это возвести тебя на трон. В минувшую ночь, о сын мой, я видел зловещие сны. Звезды падали с неба со страшным ревом, и громовые раскаты сотрясали землю. Прорицатели говорят, что звезда моей жизни вошла в сочетание с враждебными планетами — Солнцем, Мангалой и Раху. Все это предвещает царю ужасное несчастье, грозящее смертью. И в последнее время недобрые знамения появляются всюду — в небе, в воздухе и на земле; тяжкие испытания предстоят государству.

«Завтра луна войдет в созвездие Пушья» — так говорят звездочеты; завтра при благоприятном положении светил ты будешь возведен на трон. И потому, когда зайдет солнце, ты соверши вместе с Ситой необходимые обряды, и на ложе из травы куша вы проведете ночь в посте и покаянии. И пусть в эту ночь твои друзья бдительно охраняют твои покои, дабы предотвратить все беды, какие могут воспрепятствовать тому, что должно совершиться завтра».

Затем Дашаратха благословил сына и покинул покой, чтобы распорядиться о приготовлениях к завтрашним торжествам.

А весть об избрании Рама уже разнеслась по столице, и возликовал народ Айодхьи, и вышел на улицы, чтобы приветствовать будущего царя, возвращающегося из чертогов Дашаратхи в свой дом.

ЗЛАЯ ГОРБУНЯ МАНТХАРА

Мантхара, подруга и наперсница царицы Кайкейи, выросшая вместе с нею, бывшая служанка в доме ее дяди, выглянув из окон дворца, увидела, что улицы Айодхьи украшены стягами и цветами и полны народа. Она услышала музыку и пение ведийских гимнов и радостный говор толпы, мешающийся с ревом слонов, ржанием лошадей и мычанием коров. Повстречав в дворцовых покоях няньку, одетую в нарядное платье из белого шелка, поспешающую куда-то с радостным лицом, Мантхара спросила у нее о причине всеобщего ликования и узнала, что Рама должен быть возведен завтра на царский трон.

Мантхара, безобразная и завистливая сердцем горбунья, услышав это от няньки, возгорелась потаенной злобой. И, поспешив тотчас же к Кайкейи в ее спальню, где та покоилась еще на своем ложе, не встав ото сна, она обратилась к царице с такими словами: «Вставай, о неразумная! Время ли спать? Великая опасность надвигается на те-

бя. Ведомо ли тебе, что счастье твое, неверное, как речное половодье летом, ускользает от тебя ныне?»

Встревоженная словами горбуни, Кайкейи спросила, трепеща от страха: «Какая беда случилась, о Мантхара? Что означает твой вид, исполненный смятения и горести?» Мантхара ей сказала: «О благородная, тебе грозит ужасное и непоправимое несчастье. Царь Дашаратха решил возвести Раму на трон. Безмерный страх объял меня, когда я услышала об этом, и, словно горя в огне, я поспешила к тебе, поглощенная заботой о твоём благе. Ведь твоё горе, о Кайкейи, умножает мои страдания, и моё благополучие возрастает вместе с твоим. О несчастная, ты лелеяла на своей груди ядовитую змею — твоего супруга. Речи его источают мед, но сердце исполнено зла. Отослав Бхарату в дом твоих родичей, коварный Дашаратха возжелал отдать Раме царство своих предков. Утешая тебя ласковыми словами, он готовит гибель тебе и твоему сыну; пришло для тебя время помыслить о том, что ты можешь сделать для своего спасения». Услышав слова горбуни, прекрасная Кайкейи преисполнилась радости и привстала на своём ложе, подобная ясному лунному свету осенней ночи; и она одарила Мантхару драгоценным украшением как добрую вестницу. «О Мантхара, — сказала она, — новость, которую ты принесла мне, отрадна моему сердцу. Ведь я люблю Раму, как родного сына, и ничто не утешило бы меня больше, чем вступление его на царство. За эту весть, о Мантхара, требуй от меня какой хочешь награды».

В ярости швырнула горбуня богатое украшение наземь и так сказала царице Кайкейи: «Чему ты радуешься, безумная? Или ты не видишь, что ты — на краю бездны? Горько мне, царица, но я смеюсь в душе, глядя на тебя. Какая женщина в здравом уме станет радоваться успеху сына жены-соперницы? Ты будешь служить как рабыня гордой Каушалье, она будет помыкать тобою и нами всеми, и сын твой будет ждать милости от Рамы, словно слуга; я дрожу при мысли об этом».

«Но Рама справедлив и предан истине, благочестив и добродетелен, — отвечала Мантхаре Кайкейи. — Он старший сын царя и наследует царство по праву. Он будет милостив к своим братьям и ко всем своим родным, как и его отец. Почему же ты горюешь, о горбуня, услышав о вступлении Рамы на трон? Минут годы, и для Бхараты придет время царствовать. Власть же над страной принадлежит ему столько же, сколько и Раме, и я не утрачу почета нимало в сравнении с Каушальей».

Задыхаясь от ярости, Мантхара сказала: «Скуден твой разум, не отличишь ты доброго от злого, и тебе не постичь беды, нависшей над тобою. Рама будет царем, а после Рамы — его сын; Бхарата же навсегда отпадет от рода государей. Не могут все сыновья царя быть царями; великая смута возникла бы, когда бы все они взошли на трон. И потому цари, о Кайкейи, возлагают бремя правления на старшего сына, если он того достоин, или на младшего, когда тот более добродетелен.

Недобрая судьба ожидает Бхарату. Пойми, что сердце мое терзается только из-за тебя. Нет сомнения в том, что Рама, обретя власть, не замедлит отослать твоего сына в отдаленную страну или же в другой мир. Рама не причинит зла преданному ему Лакшмане — эти двое всегда стоят друг за друга; но Бхарата для Рамы — соперник и враг, и горе ему, если Рама воцарится на троне. Подумай же о том, что можно сделать для спасения Бхараты и для блага всех твоих родных и близких. Сделай так, чтобы сын твой Бхарата получил царство, а Рама был изгнан в леса; только этим ты избавишь нас от великого несчастья. Иначе Бхарата будет сокрушен Рамой, как слон, преследуемый львом в лесной чаще; а Каушалья припомнит тебе, о гордая жена, все обиды, которые ты некогда нанесла ей. Помысли же о средствах победить и изгнать твоего врага, или ты погибнешь вместе со своим сыном».

Тогда Кайкейи с лицом, пылающим от гнева, сказала Мантхаре: «Сегодня же я пошлю Раму в изгнание и немедля возведу Бхарату на царский престол. Но скажи, как могу я совершить это?» И Мантхара, злая горбунья, завидующая счастью Рамы, сказала: «Есть средство, о Кайкейи, — или ты забыла о нем, или молчишь о нем, чтобы услышать из моих уст то, что сама ты некогда поведала мне». — «Какое средство?» — спросила Кайкейи, приподнимаясь на ложе.

И вот о чем напонила ей Мантхара.

«В давние времена, — молвила горбунья, — когда боги воевали с демонами, твой супруг, о царица, взяв тебя с собою, выступил однажды из Айодхьи, чтобы вместе с другими царственными подвижниками оказать помощь в той войне повелителю бессмертных. Далеко на юге, в лесу Дандака, ракшасы, напав внезапно ночью, в кровавом бою истребили много отважных воинов. Царь Дашаратха сражался, не ведая страха, но был сокрушен вражеским оружием и лишился чувств; тогда он был увлечен тобою с поля битвы. В этот миг смертельной опасности, тяжело израненный, царь был спасен тобою, о достойная

жена, и в благодарность за это он обещал исполнить два любых твоих желания. Ты же сказала, что примешь дар тогда, когда желание такое у тебя возникнет, на что он отвечал тебе: «Да будет так». Ты сама рассказала мне об этом когда-то, о благородная, и из любви к тебе я сохранила все в памяти. Заставь же теперь царя отказаться от его решения. Напомни ему о его обещании и потребуй двух даров: избрания Бхараты на царство и изгнания Рамы в леса на четырнадцать лет.

Сейчас удались в дом гнева, о царица, и ложись на непокрытом полу, одетая в запыленные одежды. Не смотри на царя и не говори с ним. Только плачь, когда увидишь, что опечалился владыка земли. Ведь ты его любимая жена, ради тебя он войдет в огонь. Он будет предлагать тебе золото, и жемчуга, и драгоценные камни, но ты будь стойкой и не склоняйся пред ним. Напомни ему о тех двух дарах, которые он обещал тебе во времена войны богов и демонов, и он тебе отказать не посмеет».

И, приняв за добро то, что поистине было злом, Кайкейи возрадовалась при мысли об исполнении своих желаний. Осыпав Мантхару похвалами и обещав щедро одарить ее, когда обретет желаемое, прекрасная Кайкейи последовала за горбуньей в дом гнева. Там, сняв с себя украшения, она опустила наземь и сказала Мантхаре по ее же наущению: «Ступай, о лучшая из горбуний, и скажи царю, что я не покину этого места, пока не уйдет в леса Рама, а Бхарата не сядет на трон». И, подстрекаемая вновь и вновь коварной Мантхарой, Кайкейи сказала, дрожа от гнева: «Если не покинет Рама Айодхью, не нужно мне ни ложа, ни украшений, ни еды, ни питья. Или он уйдет в изгнание на долгие годы, или я удалюсь в обитель смерти». С этими жестокими словами она распростерлась на земле, усыпанной сброшенными ею с себя драгоценными украшениями.

ДВА ЖЕЛАНИЯ КАЙКЕЙИ

Между тем Дашаратха, отдав необходимые для грядущего торжества распоряжения, отпустил приближенных и слуг и вернулся во внутренние покои. Он вспомнил, что любимая жена его Кайкейи не знает еще об избрании Рамы, и поспешил к ней, чтобы обрадовать ее благой вестью. И он вошел в покои Кайкейи, подобные обители бессмертных, украшенные золотом, и серебром, и слоновой костью, полные карлиц

и шутих, редкостных вещей и драгоценных камней и необыкновенных яств и напитков; там цветущие и отягченные плодами деревья осеняли пруды с прозрачной водою, и оглашались те покои сладкими звуками лютни и криками попугаев, павлинов, лебедей и птиц краунча. Но, войдя во внутренний покой, могучий царь не нашел свою возлюбленную Кайкейи на ее ложе.

Царь, огорченный, — ибо никогда еще в это время дня не заставлял он покои пустыми, — выйдя оттуда, спросил стража, стоявшего у дверей, о царице, и тот поспешил ответить ему, что благородная царица, рассерженная чем-то безмерно, удалилась в дом гнева. С тревогою в сердце вступил Дашаратха в дом гнева и узрел жену свою, которая ему была милее жизни, распростершейся на земле в неподобающем ей виде, словно павшая апсара или киннари, низринутая за грехи с небес, подобно лани, пронзенной отравленною стрелой охотника.

И царь, пораженный скорбью, нежно коснулся лотосоглазой Кайкейи и сказал: «Я не знаю, за что гневаешься ты на меня. Кто обидел тебя, о благородная? Если злой недуг вселился в тебя, назови его — у меня есть искусные лекари, щедро одарю я их, и они исцелят тебя. Или ты хочешь, чтобы я покарал кого-нибудь? Или кого-нибудь наградил? Не скрывай своих мыслей, о ты, наполнившая мое сердце печалью! Нужно ли предать кого-нибудь смерти? Или отпустить на свободу заточенного в темницу? Сделать бедняка богатым? Или богача — нищим? Ты знаешь, что я никогда не посмею воспротивиться твоему желанию — повелевай мною! Клянусь моими добрыми деяниями, я все сделаю, чтобы развеять твою тоску!»

Так говорил царь прекрасной Кайкейи, она же, тая в душе недобрые желания, отвечала ему: «Никто не обидел меня, о могучий царь. Я скажу тебе о том, чего я хочу, но прежде обещаю, что исполнишь просьбу мою без промедления». И Дашаратха сказал: «Клянусь тем, кто мне всего дороже, опорой моей жизни, Рамой, моим ненаглядным сыном клянусь, я исполню желание твоего сердца!»

Тогда сказала Кайкейи, помышляющая лишь о собственной пользе, готовая поразить слух супруга жестокой и губительной речью: «Ты поклялся и ты обещал мне, что свершится то, чего я желаю. Да услышат твою клятву тридцать и три божества с Индрой во главе! Да услышат ее Солнце, и Луна, и Небо, и Планеты, и Ночь, и День, и Страны света, и Земля, и все живые существа! Я призываю богов и вселенную в свидетели твоих слов, о царь, прославленный справедливостью, благо-

честием и верностью данному слову!» И, так заклиная царя, Кайкейи напомнила ему его обещание, данное в дни войны богов и демонов.

«Ныне, о потомок Рагху, — молвила Кайкейи, — я хочу получить обещанные дары. И если ты откажешь мне теперь, презренная тобою, я отрекись от жизни». Затем, опутав царя коварной речью, как петлею оленя, попавшего в ловушку, и подчинив его своей власти всецело, она сказала: «Выслушай же меня, о государь. Дошло до меня, что идут приготовления к свершению обрядов в честь Рамы, вступающего на трон. Повели, о праведный царь, чтобы на трон взошел Бхарата. Пришло время исполнить и второе мое желание — пусть Рама, одевшись в оленьи шкуры, удалится в леса Дандака и ведет там жизнь отшельника девять и еще пять лет. Ты же отдай Бхарате царство, свободное от посягательств Рамы. Вспомни о своем обещании, о владыка, и, верный своему слову, да будешь ты царем царей».

Внимая нечестивым речам Кайкейи, Дашаратха в смятении сказал себе: «Снится ли мне дурной сон, или помрачился мой разум? Или злой дух овладел мною?» И не в силах понять причину происходящего, он лишился чувств. Когда же он пришел в себя и вспомнил слова Кайкейи, сердце его преисполнилось скорби. И с тяжким вздохом, пораженный горем и мукой, словно олень, завидевший тигрицу, царь опустился на непокрытую землю и снова лишился чувств. Нескоро возвратилось к нему сознание; тогда он сказал Кайкейи, пылая гневом: «О ты, губительница рода! Что сделал тебе дурного Рама, злая женщина? Он всегда почитал тебя, как родную мать. За что же ты ненавидишь его? На погибель свою взял я тебя в этот дом, как змею, тающую в себе смертельный яд. Всеми прославлены добродетели Рамы; за что же я отрекись от своего любимого сына? Скорее откажусь я от Каушалы, или от Сумитры, или от царства, но не от Рамы; скорее мир может существовать без солнца, без воды и хлеба, нежели я смогу жить без Рамы, сына моего. И потому, о ты, стремящаяся к несправедливой цели, забудь о своем намерении! Как появилась у тебя эта ужасная мысль? Ты всегда говорила мне, что Рама столь же дорог тебе, как и благородный Бхарата. И доныне ты никогда не совершала ничего недостойного и никогда не причиняла мне горя. О милая, я не могу поверить, чтобы в здравом уме ты вела когда-нибудь такие безрассудные речи. Опомнись, о Кайкейи! Видишь, я кладу мою голову к твоим ногам. Сжался надо мною! Я стар и стою на краю могилы. Будь доброй матерью Раме и избавь меня от греха!»

Кайкейи, не вняв увещанию, обратилась к царю, терзаемому горем, с речью, еще более жестокой. «Если ты, о повелитель, обещаешь дар, раскаиваешься после, — сказала она, — зачем похваляешься ты, о могучий, своею праведностью в этом мире? И что скажешь ты святым мудрецам, когда спросят они тебя об этом? Ты скажешь: «Я нарушил свое слово, данное той, кому обязан жизнью»? Ради того чтобы угодить Каушалье, ты покроешь позором род Икшваку? Я же и дня не проживу, если увижу, что Каушалье воздают почести, как царице-матери, — смерть я приму тогда как избавление. Если ты откажешь мне, я выпью яд в тот же день и умру на твоих глазах. Клянусь моим сыном, который мне дороже собственной жизни, только изгнание Рамы умиротворит меня».

Сказав так, Кайкейи умолкла. И царь, пораженный услышанным, взирал на нее, не в силах произнести ни слова. Затем, охваченный горестью, он поник, как дерево, подрубленное топором, и чувства в нем помутились, как у безумного. И он сказал Кайкейи такие слова, исполненные печали и отчаяния: «Кто внушил тебе, что достоин избранный тобою путь, нечестивый и гибельный? Или нет у тебя стыда, что ты обращаешься ко мне с речами, словно подсказанными злым духом? Увы! Я не знал доныне, сколь извращена твоя природа. По неведению я доверился тебе, как ребенок, играющий с ядовитой змеею. Проклятье женщинам, коварным и лживым! Но нет, я говорю не о всех женщинах, лишь о матери Бхараты. О ты, желающая всех лишиться счастья, о жестокосердая, или бог сотворил твою душу столь подлой для того только, чтобы мучить меня? Но я не переживу изгнания Рамы. Ты останешься вдовою и будешь править царством вместе со своим сыном. Будь тогда счастлива, низвергнув в ад меня, и Каушалю, и других моих сыновей. Что скажу я теперь царям и моим советникам, и народу после того как, побуждаемый всеобщим одобрением, я объявил об избрании Рамы? Все станут говорить: «Безрассудный и сластолюбивый царь Дашаратха сослал в леса своего сына ради прихоти молодой жены». О горе мне! Что скажу я Каушалье? Что станет с Ситой, когда услышит она весть об изгнании Рамы? О ты, навлекшая позор на род царей кекаев, о злодейка, не ведающая стыда, ты можешь броситься в огонь, принять яд, скрыться под землю — я не исполню твоего желания, несущего гибель мне и моему роду. Я не хочу видеть тебя живой, о ты, испепеляющая мое сердце, отнимающая у меня жизнь! Подумай, как стану жить я без Рамы! Как жить отцу,

лишившемуся сына? О нет, ты не должна, о благородная, причинять мне зло. Я припадаю к твоим ногам — сжался надо мною!»

Но тщетно царь молил Кайкейи, тщетно горькие обращал к ней упреки; она презрела его мольбы и слезы и, упорствуя в намерении своем, замкнулась в безжалостном молчании.

А меж тем солнце село и наступила ночь; но не принес ее приход покоя несчастному царю. Тяжко вздыхая, возвел глаза к небу старый Дашаратха и молвил: «О ночь, блистающая звездами, внемли моим стенаниям — пусть никогда не наступит утро! Будь милостива ко мне и скрой от взора моего ненавистную Кайкейи, ввергшую меня в пучину горя!» И, сказав это, он распростерся на земле, пораженный как ударом грома постигшей его бедою.

РАМА ВО ДВОРЦЕ ДАШАРАТХИ

Когда минула ночь и настало утро, повсюду зазвучали трубы, и загремели барабаны, и пробудился весь город и наполнился радостным шумом. Здания украсились стягами; они реяли над кровлями храмов и богатых домов, как белые облака над горными вершинами. Народ собрался на террасах и у дверей домов на пути от жилища Рамы до царского дворца. И с утра потянулись в Айодхью со всех сторон жители окрестных и дальних деревень, прослышавшие о вступлении Рамы на престол.

В это утро, в час благоприятного расположения светил, мудрый Васиштха, сопровождаемый своими учениками, все приготовившими для обряда, вступил в лучший из городов — Айодхью, — улицы которого, чисто выметенные, политые водою и украшенные, благоухающие сандалом и агуру, заполнены были ликующей толпой. У ворот дворца Дашаратхи Васиштху встретил царский колесничий, и мудрец повелел ему немедля войти к своему государю и объявить, что все готово для предстоящего празднества.

«Скажи государю, — молвил Васиштха, — что и золотые сосуды с водою из Ганги и из океана, и мед, и молоко, и восемь прекрасных дев, и дикий слон, и колесница, запряженная четырьмя конями, и меч, и превосходный лук, и балдахин, белый, как лунный свет, и серый буйвол, спутанный золотой цепью, и могучий лев, и трон, и тигровая шкура, и коровы, и различные священные животные и птицы — все

доставлено в надлежащее время, и брахманы ждут только царского слова, чтобы начать обряды».

И Сумантра вошел в царские покои, куда он имел доступ во всякое время дня, и стража беспрепятственно пропустила его. Представ перед царем и Кайкейи, он с радостью возвестил о приходе Васиштни; но ничего не ответил ему Дашаратха, угнетенный отчаянием и скорбью. Тогда, видя, что царь не в силах заговорить, Кайкейи сказала удивленному колесничему: «Сумантра, государь утомился, бодрствуя всю ночь в ожидании счастливого события. Ступай не мешкая и приведи во дворец Раму, достославного сына царя». — «Как пойду я, — возразил Сумантра, — без повеления государя?» И Дашаратха сказал ему: «Ступай за Рамой, Сумантра, я хочу его видеть».

Выслушав эти слова, колесничий удалился, не подозревая дурного, чтобы исполнить волю царя и царицы.

Прибыв ко дворцу Рамы, блистающему великолепием и красотой, подобно белому облаку в осеннем небе, Сумантра увидел у входа толпы горожан, явившихся поутру с дарами, и царских советников на конях и в колесницах, собирающихся сопровождать Раму, и огромного слона, подобного горе, готового нести царевича к месту торжества. И, вступив во дворец, Сумантра, сведущий в обычаях, приказал стражам, охраняющим покои царского сына: «Пойдите и скажите Раме, что Сумантра ждет у ворот».

Рама, услышав о приходе колесничего, повелел провести его в покои; и Сумантра, войдя, узрел царевича, восседающего с Ситой на золотом возвышении, покрытом дорогим ковром. Узнав от Сумантры, что царь и Кайкейи хотят видеть его, Рама, обрадованный, обратился к Сите и сказал ей: «О милая, нет сомнения, что добрая царица Кайкейи, проведав о моем избрании, торопит теперь государя, отца моего, со свершением торжественных обрядов; ведь она всегда была расположена ко мне и всегда радела о счастье царя и моем. И ныне государь и Кайкейи призывают меня, желая незамедлительно объявить о венчании моем на царство. Я должен поспешить во дворец моего отца, ты же оставайся и развлекись с подругами своими».

И, простившись с синеокой Ситой, Рама покинул свой чертог. У ворот он встретил Лакшману, ожидавшего его, смиренно сложив ладони, и всех своих друзей, явившихся воздать ему почести. Ответив на их приветствия, царевич взошел на свою колесницу, отделанную серебром и покрытую тигровой шкурой, и Лакшмана взошел вместе с ним

и встал позади него с белым опахалом в руках как верный его телохранитель; и сотни витязей с обнаженными мечами в руках последовали впереди и позади колесницы Рама на конях и слонах. И всю дорогу от дворца Дашаратхи народ, теснившийся на улицах, приветствовал Раму громкими кликами, и женщины с террас и из окон домов осыпали его цветами.

Достигнув царского дворца, Рама прошел один во внутренние покои, свита же осталась ждать его у входа.

И, войдя в царские покои, Рама увидел своего отца на богато украшенном троне, печального и с измученным лицом, и рядом с ним Кайкейи. Смирненно поклонившись в ноги царю, Рама приветствовал затем царицу с надлежащим почтением; но не поднял на него взора, затуманенного слезами, и ничего не сказал ему в ответ несчастный царь.

Встревоженный и удивленный необычным поведением царя и никогда не виданной ранее мрачностью его, Рама, бледный и повергнутый в уныние, обратился тогда к Кайкейи и спросил ее: «Не прегрешение ли какое, совершенное мною по неведению, причина тому, что я вижу отца моего разгневанным ныне? Если это так, прошу тебя, умилостивь его и смягчи его гнев. Чем удручен его дух и почему так бледен он, всегда встречавший меня ласковой речью? Не терзает ли его какой-нибудь недуг, душевный или телесный? Не случилось ли беды с ясноликим Бхаратой или с отважным Шатругхной? Или невзгода посетила матерей моих? Скажи мне, о высокочтимая, я жажду знать истину. Какое нежданное горе омрачило сердце владыки?»

Кайкейи сказала: «Нет, Рама, царь не гневен, и ничто не грозит ему. Но некогда обещал он исполнить два моих желания и теперь боится заговорить, чтобы не промолвить неуютное тебе. Ведь ты — его любимый сын. Я расскажу тебе обо всем, о Рама, коль скоро ты обещаешь сделать все, что повелит тебе царь, будет ли то по сердцу тебе или нет».

Рама, опечаленный, ответил Кайкейи в присутствии царя: «Горе мне, если ты могла усомниться в моей сыновней преданности, о благородная! По единому слову отца моего я пойду в огонь, выпью яд, кинусь в море, если он повелит. Поведай мне, о царица, в чем воля государя, и знай, что исполню ее — еще никогда не отступал Рама от сказанного им единожды».

И Кайкейи поведала о войне богов и демонов, о спасении Дашаратхи и о том обещании, которое он дал ей. И сказала тогда коварная

и подлая Кайкейи Рама, справедливому и не ведающему зла, о своих недобрых желаниях: «Пусть взойдет вместо тебя на царство Бхарата, ты же да отправишься в изгнание в леса Дандака сроком на семь и еще на семь лет».

Выслушав эти слова, жестокие, как возвешение смерти, Рама не был повергнут в отчаяние, но старый царь великой был сокрушен горечью при мысли о разлуке с любимым сыном. Рама же, истребитель врагов, отвечал Кайкейи: «Да будет так, как ты говоришь. Ради исполнения того, что было обещано тебе моим отцом за спасение его жизни, я с радостью отправлюсь в леса и пробуду там как отшельник столько лет, сколько ты пожелала. Одно лишь печалит мое сердце: почему государь сам не объявил мне об избрании Бхараты на царство? Ведь я рад следовать любому его велению. Утешь царя! Почему, потупив взор, он безмолвно проливает слезы? Я же поспешу исполнить волю его».

Кайкейи, обрадованная, сказала: «Слова твои справедливы, о Рама! Не следует медлить с исполнением решенного. Пусть пошлют тотчас гонцов за Бхаратой — да возвратится он немедля в Айодхью. Ты же прости отцу его молчание — он смущен и потому не может говорить с тобой. И уходи в лес, поторопись, о Рама; царь не будет ни пить, ни есть, ни совершать омовение, пока ты останешься здесь».

При этих словах царь воскликнул, рыдая: «О горе!» — и упал без чувств на асану, украшенную золотом. Рама, подняв отца и усадив его на асане, приготовился уйти, понуждаемый безжалостными речами Кайкейи, как конь жестокими ударами плети. И, обещав царице покинуть в тот же день Айодхью, Рама испросил у нее разрешения увидеться с матерью и Ситой, поклонился в ноги царю, оцепеневшему в бесчувствии, и удалился.

ГОРЕ КАУШАЛЫ И ГНЕВ ЛАКШМАНЫ

Выйдя от царя и Кайкейи, Рама направился, сопровождаемый Лакшманой, в покои своей матери.

Когда же распространился слух об его изгнании, женщины во дворце подняли громкий плач. Жалуясь и стеля, царские жены порицали Дашаратху и проливали слезы о горькой участи Рамы. «Увы! Мы

лишились опоры своей и защитника», — говорили они. Но сам Рама оставался неколебим и спокоен, утрата царства не омрачила лица его, прекрасного, как месяц осенней ночью, и речь его, обращенная к друзьям и к слугам, осталась по-прежнему исполненной благоволения, доброты и кротости.

У входа в покои Каушалы Рама встретил многих преклонных годами почтенных брахманов и с ними женщин и детей, которые все воздали ему почести и осыпали его благословениями. И привратницы, охраняющие чертог старшей царицы, приветствовали Раму словами: «Победа тебе!» — и немедля известили повелительницу о его приходе.

Рама, войдя в благословенную обитель своей матери, застал ее у алтаря возносящей богам молитву о счастливом царствовании сына. Не ведая о беде, она с утра, облачившись в белые одежды, совершала жертвоприношение огню и старалась умиловить божества возлияниями воды, приношениями риса, варенного в молоке и сахаре, зерна, топленого масла и цветов.

Рама приветствовал мать, склонившись до земли, сложив смиренно ладони; она же поспешила к нему навстречу и, обняв его, сказала голосом, прерывающимся от радости: «Да будешь ты долговечен, о Рама, дитя мое! О, не напрасны были мои молитвы и обеты — благо царского рода Икшваку будет твоим уделом». Тогда Рама поведал ей о постигшем их горе, о своем изгнании и о воцарении Бхараты.

Как дерево, подрубленное топором, упала Каушалья на землю, едва эта весть коснулась ее слуха. Рама, видя свою мать, достойную иной участи, распростершейся без чувств на земле, тотчас поспешил поднять ее и, видя, что одежды ее покрылись пылью, бережно их отряхнул.

«О сын мой, — молвила, очнувшись, несчастная царица, сокрушенная гибелью своей радости, — если бы не родился ты на свет, горе быть бездетной не так бы убивало меня, как эта весть, которую ты принес мне. Молитвы богам и посты, раздача милостыни и соблюдение обетов и все, что претерпела я ради обретения сына, — все было бесплодным, как семя, брошенное в песок пустыни. Как вынесу я бесконечные дни разлуки с тобою, не видя твоего лица, оскорбленная супругом, презираемая женами-соперницами, когда я, старшая царица, стану последней из рабынь надменной и дерзкой Кайкейи? О, сердце мое, наверное, из железа, если не разорвалось оно при этой страшной

вести; нет места для меня в царстве Ямы! О Рама, жизнь моя бесполезна без тебя — и я последую за тобой в леса, как следует корова за своим теленком!»

Так сетовала и плакала Каушалья. Когда она умолкла, обуреваемый гневом, возвысил голос Лакшмана. «Я не знаю, о высокочтимая царица, — сказал он, — за какую вину должен Рама покинуть царство и уйти в леса. Даже враги его не могли бы найти за ним греха. Какому закону следовал царь, отрекаясь от такого сына? Поистине, одряхлев, он впал в детство. Предавшись во власть Кайкейи, он может повелеть все что угодно, но кто посмеет воспрепятствовать Раме взойти на трон, когда я буду рядом с ним, готовый оградить его моими стрелами от любого врага? Клянусь моим луком, я уничтожу всех сторонников Бхараты и, если вся Айодхья поднимется против Рамы, я истреблю без жалости всех ее жителей — кто отважится противостоять нам обоим? Утешься, о благородная, я развею твою горе, даже если для этого нужно будет убить моего отца — поддавшись наущениям Кайкейи, он стал нам врагом и достоин смерти».

Вняв речам высокого духом Лакшманы, Каушалья, плача, сказала Раме: «Ты слышишь, о сын мой, что говорит твой брат? Ты не должен уходить отсюда, повинувшись воле бесчестной жены твоего отца, и покидать меня, угнетенную горем. В разлуке с тобою я не смогу жить, и ты, виновный в гибели матери, пойдешь после смерти в ад».

Рама отвечал своей матери Каушалье, плачущей и стенающей: «Я не могу пойти против воли моего отца. Древние герои, богоравные воины и святые, покоряясь воле отцов, отдавали жизнь свою и своих близких. Вспомни сыновей Сагары, погибших под землю, вспомни Раму, сына Джаматагни, по слову отца обезглавившего свою мать в лесу. Уходя от тебя в изгнание, я лишь вступаю на путь, проложенный до меня мужами, достойными подражания».

И Рама сказал Лакшмане: «Я знаю твою преданность мне и твою мощь и отвагу, о Лакшмана! Но да будет ведомо тебе, что долг — выше всего в этом мире, а мой долг повелевает мне исполнить обещанное отцом моим. Поэтому откажись от своего неразумного намерения — я никогда не приму царства, добытого несправедливостью. Лучше ты, о Лакшмана, обуздав свой гнев, распорядись об отмене назначенных на сегодня торжеств и обрядов. Сегодня же я покину Айодхью, как обещал отцу и Кайкейи, и удалюсь в изгнание. Умерь свой гнев, о сын Сумитры, — это Судьба подсказала младшей царице ее

желание. Судьба одна — причина моего изгнания, с нею же, всемогущей, напрасно спорить. И потому не печалься и не гневайся на отца и на Кайкейи. Не возлагай вины на тех, чьи слова и деяния определены Судьбой».

Выслушав эти слова, Лакшмана опустил голову, тяжело вздыхая, и затем так отвечал Рама: «Ты думаешь, что следуешь стезей справедливости, повинувшись несправедливым велениям царя и Кайкейи, но ты заблуждаешься, в том нет сомнения. Многие напускают на себя притворное благочестие, чтобы обмануть легковверных; но как ты не видишь порочности этих обоих, наших врагов, называющих себя нашими родителями? Почему ты, исполненный сил и отваги, безропотно следуешь нечестивым словам царя, жалко покорствующего прихотям Кайкейи? Прости меня, о великий воин, но я не могу этого стерпеть. Если это называется добродетелью, такая добродетель мне отвратна. Пусть ты считаешь это неизбежным деянием Судьбы — ты не должен вести такие речи, непостижимые для меня. Только бессильные и робкие следуют покорно воле Судьбы; но тот, чье мужество способно ей противостоять, не дрогнет перед лицом Рока. Да увидят сегодня люди, кто могущественнее — Судьба или мужество человека. Этот лук в моей руке — не праздное украшение, этот меч — не для игры, для истребления врагов. Тучею стрел покрою я небо над полем битвы, и никто — ни конный, ни пеший, ни на колеснице, ни на боевом слоне — не пробьется сквозь смертоносный град моих стрел. Я устелю поле брани телами врагов и разрушу подлые замыслы царя и матери Бхараты. Скажи, на кого обрушить мне гибельные удары моего меча? Я — твой слуга. Повели — и я всю землю покорю и сделаю подвластной тебе!» Так говорил Лакшмана, и слезы лились из его глаз. И Рама обнимал и утешал его, увещевая подчиниться отцовской воле.

И Рама сказал: «Я уйду сегодня. Ты же, матушка, оставайся и позаботься об отце. Неразумно желание твое последовать за мною в леса. Если после моего ухода и ты покинешь отца, он умрет; из всех деяний женщины нет более жестокого, нежели покинуть мужа. Пока жив царь, мой отец, не оставляй его, ухаживай за ним, и тем обретишь ты нетленную награду в иной жизни».

И, заливаясь слезами, Каушалья благословила Раму. Он же, многократно поклонившись матери в ноги, покинул дворец Дашаратхи, чтобы идти в свой дом, где ждала его Сита.

СИТА

Сита, свершив поутру надлежащие обряды, поджидала Раму с мыслью о грядущем торжестве и с радостью в сердце, еще не зная и не предчувствуя постигшей их невзгоды. Когда же по возвращении из царского дворца Рама вступил в свой чертог и Сита увидела его, бледного и с поникшей головою, она, трепеща, поднялась со своего места ему навстречу. И сказала прекрасная дочь Джанаки: «Почему ты печален, о господин мой? Ведь сегодня — день твоего воцарения. Почему же лицо твое не осеняет царский балдахин, белый, как морская пена? Почему не окропили волосы твои медом и творогом брахманы, искушенные в Ведах и в обрядах помазания на царство? Почему не предшествуют тебе слуги, несущие золотой царский трон, и с ними слон могучий, подобный горе, и почему не следуют за тобой царские советники и богатые горожане в нарядных одеждах и не звучат, о великий воин, гимны и песнопения во славу твою? Бледность покрыла черты твои, и никогда я не видела такого смятения во взоре твоём. О чем горюешь ты в день своего торжества?»

«О Сита, о рожденная в благой семье царей Видехи, — отвечал Рама, — мой отец изгнал меня в леса! Так пожелала царица Кайкеи, он же не мог перечить ей, связанный обетом. Бхарата станет царствовать вместо меня, а я уйду в леса, где буду жить отшельником четырнадцать лет. Я уйду сегодня. Живи счастливо и в мире под властью нового царя, повинуйся ему; соблюдай обеты и посты; каждый день, восстав ото сна, возноси молитвы богам; почитай отца моего Дашаратху, владыку народов. Моя мать Каушалья преклонна годами и подавлена горем разлуки со мною — будь к ней ласкова и почтительна. Почитай братьев моих, как собственных братьев, и превыше всех — Бхарату; помни, что цари не терпят неповиновения. Я уйду в леса, о Сита, ты же оставайся с миром и живи по моему завету».

Выслушав эти слова, сказала Раме царевна Видехи голосом нежным и сладкозвучным: «Или я столь ничтожна и низка душою в твоих глазах, что ты говоришь мне это, о лучший из людей? Мне смешны такие речи; к лицу ли они умудренному знанием закона? Нет, их даже слушать зазорно. О дорогой супруг мой, отец, мать, сын, брат, невестка — все они живут плодами собственных деяний, но жена, о благородный, всегда разделяет участь своего мужа. И потому, о Рама, если ты обречен на изгнание, то с тобою и мне суждена жизнь в лесах.

И если ты уходишь сегодня, я пойду впереди тебя, ступая по терниям и колючей траве. Не разубеждай меня. Я не буду бременем для тебя, о герой; в лесном безлюдье, в дебрях, где бродят дикие звери, под сенью деревьев, напоенною благоуханием лесных цветов, я буду тебе утехой и помощницей; с тобой не страшны мне скитания в глуши, без тебя не нужны мне и небесные чертоги. Сердце мое принадлежит одному тебе, не отвергай меня, жену твою, которая решила скорее умереть, чем разлучиться с тобою!»

Но Рама, помышляя о тяготах, ожидающих поселившегося в лесу, не хотел брать Ситу с собою в изгнание и, утешая ее, проливающую слезы, так говорил ей: «О Сита, послушай меня, оставайся здесь; знай, что великие опасности и беды таят дремучие леса! Ты не ищи счастья там, где найдешь одни невзгоды. Тяжко жить в лесу — рычание львов, обитающих в пещерах гор, поражает там слух и гнетет душу; дикие звери, резвящиеся в лесной чаще, завидев человека, приближаются, чтобы напасть на него, — лес полон бед! Колючие кусты и лианы преграждают там дорогу; ночь усталый путник проводит на постели из опавших листьев, на прогалинах, оглашаемых криками сов; он питается дикими плодами и кореньями — лес полон бед! И потому ты не должна уходить в леса — леса тебе не сулят блага!»

Так говорил Рама, и, как ни умоляла его дочь Джанаки, на все ее просьбы он отвечал отказом. Тогда сказала Сита, страшась разлуки, с надменной насмешкой: «О чем думал мой отец, о Рама, когда назвал тебя своим зятем, тебя, мужчину обликом, но женщину делами? Горе людям, верящим в твое мужество, — поистине, они заблуждаются. Чего боишься ты, что не хочешь взять меня с собою? Или ты решил уступить другим жену свою — меня, которая всегда была чиста в помыслах своих и верна тебе? И почему столь усердно стремишься ты угодить тому, ради кого лишен ты царства, и хочешь, чтобы я ему угождала? Нет, лучше я умру, чем останусь здесь, с твоими врагами. О Рама, позволь мне сопутствовать тебе! Никогда не услышишь ты от меня ни единой жалобы. Травяное ложе мне будет мягче постели, покрытой дорогими тканями, пыль, которою меня осыплет ветер, мне покажется благоуханным сандалом, а плоды, коренья и листья, которые ты мне дашь, слаще покажутся, чем пища бессмертных. Я не вынесу разлуки с тобою, о Рама! Разве смогу я жить без тебя четырнадцать лет!» При этих словах слезы, чистые, как кристалл, заструились из очей Ситы, словно капли росы, стекающие с лепестков лотоса,

и лицо ее побледнело, как увядший лотос, разлученный со своим водным ложем. И она приникла в горе к своему супругу, он же обнял ее и сказал: «О достойная почести, не нужно мне и небесного царства, обретенного ценой твоего горя, и я никого не боюсь! Я не хотел, чтобы ты жила в лесах, но, если ты решилась, я не могу оставить тебя; следуй за мною и раздели мое изгнание».

Слыша эти речи, Лакшмана, вошедший перед тем, поклонился брату в ноги и сказал со слезами на глазах: «Если ты уходишь в леса, населенные оленями и слонами, я пойду с тобою, предшествуя тебе с луком в руке. Без тебя не милы мне все блага небес». Тщетно пытался Рама отговорить его, напоминая ему о его долге беречь и охранять мать свою и поручая его заботам Каушалью. «Бхарата не посмеет обидеть наших матерей, — возразил сын Сумитры, — из страха перед твоею мощью. Если же он не окажет им должного почета и заботы, клянусь, я убью этого нечестивца, хотя бы все три мира встали на его защиту. Поэтому не препятствуй мне следовать за тобою. Я буду указывать тебе путь в лесу, приносить плоды и корни, и я буду служить тебе и царевне Видехи, вам обоим, бодрствующим и спящим». И Рама, утешенный его словами, позволил сыну Сумитры сопровождать его и Ситу в лесах.

РАМА ПОКИДАЕТ АЙОДХЬЮ

Рама и Сита пришли к царскому дворцу пешком; Лакшмана следовал за ними. Народ теснился вокруг них на улицах; горожане и горожанки, толпившиеся на террасах своих домов, бросали на них скорбные взгляды и громко выражали сочувствие свое изгнанникам и возмущение решением Дашаратхи; и многие из них изъявляли желание последовать за Рамой в леса. У дверей царских покоев Рама увидел доблестного Сумантру, сидевшего, уныло понутив голову, и послал его к отцу известить об их приходе.

Войдя к царю, Сумантра объявил ему о приходе Рамы. «Созови всех моих жен», — повелел ему тогда Дашаратха. И все триста пятьдесят жен царя пришли, и первая среди них — Каушалья. Тогда царь сказал Сумантре: «Приведи моего сына».

Когда вошли в царские покои Рама, Лакшмана и дочь Джанаки, царь поспешил к ним навстречу, встав со своей асаны, но, не дойдя

до Рамы, приближавшегося к отцу, смиренно сложив ладони, рухнул на землю без чувств, поверженный горем. Рама и Лакшмана подняли его и положили на асану, а дворец огласили громкие вопли и стенания женщин, смешавшиеся с нестройным звоном браслетов и золотых украшений на их воздетых к небу руках.

Очнувшись, царь сказал: «О Рама, дар, обещанный мною Кайкейи, лишает меня рассудка. Заточи меня сегодня в темницу и будь царем Айодхьи».

«О государь, — отвечал ему Рама, — правь землю тысячу лет! Не нужно мне царства. Я уйду в леса на четырнадцать лет; позволь Сите и Лакшмане сопровождать меня. Я пытался отговорить их, но они не хотят расставаться со мною. Не печалься и благослови нас — мы уходим сегодня».

И царь, опутанный сетью обета, сказал, подстрекаемый тайно Кайкейи: «Если ты решился твердо, я не смею воспрепятствовать тебе в исполнении твоего долга. Но не уходи сегодня, о сын мой! Ночь уже близка. Останься, ты отправишься в путь завтра!» Но Рама ответил: «Нет, государь, клянусь тебе, что не могу оставаться здесь ни часа более. Я обещал царице Кайкейи покинуть город сегодня, и я сдержу свое слово. О мой отец, не печалься; я вернусь через четырнадцать лет!»

Царь обнял Раму. Тогда поднялся великий плач в собрании царских жен, и горестные возгласы раздались отовсюду. Только царица Кайкейи среди всеобщих изъявлений скорби осталась невозмутима и в лице не изменилась. Напрасно Сумантра и следом за ним Васиштва обратились к ней со словами осуждения и с увещаниями, умоляя ее не губить супруга своего и отказаться от безумного своего желания; совесть не укоряла ее, и раскаяние ее не посетило. И облик царицы остался безмятежен, как и прежде.

Когда же Дашаратха повелел своим советникам отправить вместе с Рамой войска и сокровища царской казны, Кайкейи восстала против его решения с превеликой пылкостью. «Бхарата не примет царства, — сказала она, — лишеного ценностей своих». И Рама отказался от казны и от войска: «К чему слоновья сбруя тому, у кого слона отобрали? Я отрекся от всего! — сказал Рама. — Пусть принесут мне только одежду отшельника из бересты, пусть принесут мотыгу и корзину». И Кайкейи сама принесла одежду из бересты и подала ее Раме со словами: «Носи это».

И, сняв свой богатый наряд. Рама облачился в грубое платье отшельника; то же сделал и Лакшмана на глазах у отца своего. Но Сита, увидев предназначенное ей одеяние из бересты, пришла в смятение, как лань при виде охотничьей петли. Со слезами приняла она берестяной наряд из рук Кайкейи. Но, не умея надеть его, остановилась в замешательстве. Рама помог ей накинуть бересту поверх шелков, в которые она была одета; а женщины вокруг залились слезами, увидев Ситу в платье отшельницы. И ропот возмущения поднялся в собрании; царь же обратился к Кайкейи с горьким упреком: «Неужто мало тебе изгнания достойного Рамы? О ты, не ведающая стыда губительница рода, ты вступила на путь бесчестия, он приведет тебя в ад!»

Рама, который безмолвствовал все это время, сказал, обращаясь к Дашаратхе: «О справедливый царь, моя старая мать останется здесь под покровительством твоим и защитой! Да будет обращение с ней достойно ее, царицы древнего рода! О податель щедрых даров, тебе должно еще более почета оказывать ей теперь, когда она будет разлучена со мною, дабы не изнемогла она под бременем горя и не ушла от нас безвременно в обитель Ямы».

В горести поник головою Дашаратха, великой одолеваемый скорбью. Затем, оборотившись к Сумантре, повелел ему снарядить колесницу и запрячь ее превосходнейшими конями, чтобы отвезти изгнанников к южным пределам царства; и повелел ему принести богатые и нарядные платья для Ситы и золотые украшения и драгоценности.

Облачившись в роскошные наряды, Сита озарила своей красотой чертоги, подобная Солнцу, озаряющему вселенную своими лучами. Каушалья, обняв Ситу, сказала: «Женщины, покидающие своих мужей в несчастье, почитаются нечистыми. Такова природа женщин; от тех, кто дарил им счастье в дни благополучия, они отрекаются, когда приходит беда. Женщины неверные, неблагодарные, лживые и бессердечные, чья любовь мимолетна, почитаются нечистыми. Ни происхождение, ни ученость, ни благочестие, ни добродетель не могут привязать сердца женщин; поистине, сердца их нестойки. Но благословенны те чистые женщины, чья преданность супругу неколебима в день невзгоды. И хотя сын мой уходит в леса, ты не должна выказывать пренебрежение к нему. Богатый или бедный, супруг твой должен быть божеством для тебя».

Сита отвечала своей свекрови, сложив почтительно ладони: «Я внимаю речам благородной царицы. Да не сравнит она меня с жен-

щинами подлыми и нечестивыми. Мне ведом долг мой; о нем говорили мне в родительском доме. Лютня не звучит без струн; колесница не движется без колес; женщина, даже имеющая сто сыновей, не знает счастья без мужа. Я почитаю супруга моего как божество; могу ли я пренебречь моим долгом?» И Каушалья, слыша эти слова, пролиwała слезы радости и горя.

Рама, Сита и Лакшмана, поклонившись царю, обошли его кругом. И с его соизволения они простились поочередно и с Каушальей, и с Сумитрой, и с другими царскими женами. Покинув дворец, они взошли на блистающую колесницу, украшенную золотом, и Сумантра повел ту колесницу, запряженную отборными конями, быстрыми как ветер.

Великое горе воцарилось во дворце и на улицах города, где собрались все жители Айодхьи, и стар и млад, чтобы проводить Раму. И народ толпами повалил за колесницей, шумно изъявляя свою скорбь и свое негодование. «Погоди, не торопись, колесничий! — восклицал народ, обращаясь к Сумантре. — Поезжай медленнее. Дай нам в последний раз взглянуть на Раму!»

И Дашаратха вышел из дворца со всеми своими женами. Он услышал плач и стенания, увидел народ, бегущий за колесницей Рамы, и горе его возросло. При виде царя и цариц, проливающих слезы, толпа разразилась рыданиями, еще более громкими; и пыль от колес удаляющейся колесницы ложилась на землю, прибитая слезами провожающих.

Рама, оглянувшись, увидел, что отец его и мать следуют издали за колесницей. И не в силах более вынести душевной муки, Рама крикнул, обращаясь к Сумантре: «Гони коней!»

Мать Рамы бежала за колесницей, восклицая: «Рама, Рама! Сита! Лакшмана!» — и плача об изгнанных; так корова бежит за своим теленком, когда связанного уводят его пастухи. «Стой, остановись!» — кричал царь Сумантре; Рама же повторял: «Гони!» — и колесничий, пребывая в смятении, не знал, кому он должен повиноваться. «По возвращении ты скажешь царю, что не расслышал его приказа, — сказал ему Рама. — Мне же промедление невыносимую причиняет муку». И Сумантра, окриком заставив народ расступиться, погнал коней во всю мочь.

И царь с царицею остановились, глядя сыну вослед. Пока виднелось на дороге облако пыли, поднятое колесницей, Дашаратха стоял там, не в силах отвести от него взора, когда же и оно скрылось из

глаз, старый царь пошатнулся и упал бы на землю, если бы не поддержали его Каушалья с правой стороны и стройная Кайкейи — с левой. Но, с гневом оттолкнув Кайкейи, Дашаратха сказал ей: «Не касайся меня, я не хочу тебя видеть, о ты, преследующая только собственную корысть и покинувшая стезю добродетели! Ты не жена мне; я отрекаюсь от тебя, и отныне мне ничего не нужно ни от тебя, ни от сына Бхараты!»

Великая скорбь охватила Айодхью, и всю землю кругом, и небо, когда Рама удалился в изгнание. Солнце закатилось, а вечерние жертвоприношения огню не были совершены. Жители Айодхьи позабыли о своих повседневных делах, о еде и питье, и все пребывали во власти единой мысли о своей утрате; и слоны забыли о корме, и телята не сосали коров. Звезды померкли; тучи, принесенные внезапным ветром, обволокли окрестность, и тьма окутала землю. И царь Дашаратха и с ним его жены и свита вернулись в город, погруженный в печаль.

ПУТЬ К ЧИТРАКУТЕ

Удалившись несколько от города, Рама остановил колесницу и обратился к жителям Айодхьи, которые продолжали следовать за ним, уговаривая их вернуться обратно. И он просил их повиноваться новому царю и воздал хвалу достоинствам Бхараты. Но горожане объявили, что не хотят иного царя, кроме Рамы.

Между тем брахманы из Айодхьи, согбенные под бременем лет, мудрые и ученые, приблизились, умоляя Раму остановиться и не покидать их. И когда царевич увидел, что почтенные старцы следуют за его колесницей пешком, он устыдился и сошел с колесницы и, беседуя, пошел с ними рядом. И когда достигли они реки Тамасы, наступившая темнота воспрепятствовала им продолжать путешествие. Сумантра распряг усталых коней, напоил их и выкупал, привязал и накормил травой. Рама со своими спутниками расположился на ночлег.

Здесь, на берегу Тамасы, провели они первую ночь изгнания. Рама и Сита заснули на ложе, устроенном Сумантрой под деревом, а колесничий и сын Сумитры бодрствовали до утра, беседуя о великих добродетелях Рамы. Когда же забрезжил рассвет, изгнанники отправились в дорогу, прежде чем проснулись горожане, дабы не позволить им сопровождать их далее. И горожане, пробудившись, уже не нашли Раму

на месте ночлега и, потеряв его след, глубоко опечаленные, поневоле возвратились в Айодхью, в свои дома.

А Рама продолжал свой путь на юг. Переправившись через Тамасу, изгнанники выбрались на большую, надежную дорогу; кони помчались с быстротою ветра, и вскоре они достигли священной реки Ведашрути. Кругом тянулись возделанные поля, и Рама слышал, как крестьяне, работавшие на них, говорили между собою об его изгнании.

Миновав поля, сады и рощи, Рама со своими спутниками покинул пределы Кошалы. И, оставив эту обширную и процветающую страну, Рама остановил колесницу и, повернувшись в сторону Айодхьи, сложил ладони и произнес слова прощания. Затем он повелел Сумантре двигаться дальше на юг.

Они пересекли Гомати, несущую свои воды к океану, и продолжали неспешно свой путь по приветливой местности, мимо красивых и богатых селений, окруженных садами и манговыми рощами. И они достигли берегов прекрасной Ганги, чьи прохладные и незамутненные воды текут от далеких гор, где излились они с небес по волосам Шивы; текут то стремительно, то медленно, там — низвергаясь с высоты с яростным и диким ревом, отраженным окрестными скалами, здесь — струящиеся мирно и величаво, с радостным плеском, среди лесов и полей, сверкая на солнце, как алмаз; текут то через отмели, оглашаемые криками птичьих стай, то по глубоким местам, минуя тихие заводи, покрытые лотосами и лилиями, унося на волнах своих цветочную пыльцу и опавшие листья прибрежных деревьев.

Рама вышел к Ганге вблизи Шрингаверапуры; он остановился на отдых в тени огромного орехового дерева на самом берегу реки; здесь он решил остаться до утра следующего дня.

Здесь встретились путники с Гухой, царем нишадов, давнишним другом Рамы: прослышав о прибытии изгнанников, Гуха явился к месту их отдыха на берегу Ганги в сопровождении советников своих и родичей и, приветствовав обоих царевичей и Ситу, предложил им свое гостеприимство и услуги. Рама отвечал с благодарностью на приветливые речи царя, но отказался остаться у него, поведав ему, что поклялся вести отныне жизнь отшельника. И эту ночь они провели под ореховым деревом на берегу Ганги; и Гуха остался с ними и бодрствовал до утра вместе с сыном Сумитры и колесничим возле ложа Рамы и Ситы, сокрушаясь о печальной участи благородного сына Дашаратхи.

Наутро Гуха призвал своих советников и повелел им доставить крепкий и просторный челн и сильных гребцов для переправы через Гангу. И когда челн и гребцы прибыли на место, Рама простился с царем Гухой и с Сумантрой, которого он отсылал с колесницей обратно в Айодхью, и поручил Сумантре передать царю Дашаратхе и царицам весть об их благополучном путешествии. Затем он вместе с Ситой и Лакшманой вошел в челн.

Напутствуемые добрыми пожеланиями Гухи, изгнанники пустились в лодке, движимой веслами опытных гребцов, через широкую Гангу. И когда они достигли середины реки, Сита, сложив молитвенно ладони, обратилась к божественной Ганге, испрашивая у нее благополучия для сына Дашаратхи и счастливого возвращения по прошествии четырнадцати лет.

Пристав к южному берегу, путники высадились из челна. И Рама обратился к Лакшмане, призывая его зорко оберегать Ситу в безлюдных лесах, по которым пролегал их дальнейший путь. По велению Рама Лакшмана первым двинулся по лесной тропе; Сита следовала за ним, Рама же замыкал шествие.

И когда изгнанники исчезли в чаще леса, Сумантра, смотревший им вслед с другого берега Ганги, запряг коней и, удрученный, отправился в обратный путь, в Айодхью.

Изгнанники шли весь день по тропам цветущей и приветливой страны ватсов. По пути братья охотились в лесу на вепрей и оленей; запасшись вдоволь пищей, вечером они сделали привал под сенью большого дерева на лесной опушке. В эту ночь Рама бодрствовал вместе с Лакшманой, охраняя сон Ситы. До рассвета беседовали они, вспоминая близких, оставшихся дома; Раму одолевала тревога за отца, отданного попечению своекорыстной Кайкейи. Но тщетны были его усилия склонить Лакшману к возвращению в Айодхью.

К вечеру следующего дня достигли они священной обители Бхарадваджи у слияния Ганги с Ямуной. Великий мудрец с почетом принял изгнанников; переночевав у него, наутро они опять собрались в путь. Бхарадваджа уговаривал Раму остаться и поселиться в его обители, но царевич искал место более отдаленное и пустынное. Тогда мудрец указал ему дорогу к горе Читракуте, излюбленной отшельниками и расположенной в десяти крошах от обители Бхарадваджи, в местности, изобилующей дичью.

Распростившись с гостеприимным Бхарадваджей, путники двинулись вдоль берега Ямуны на запад. И в указанном Бхарадваджей месте они построили из сухих деревьев плот и переправились на нем через быструю Ямуну; посреди потока Сита помолилась речной богине, обещав принести ей в жертву тысячу коров и сто сосудов с вином, когда Рама благополучно вернется в Айодхью.

За Ямуной они продолжали свой путь по лесам, не удаляясь от реки. Сита с Лакшманой шли впереди, Рама следовал за ними; и братья заботливо охраняли Ситу. В пути царица озирает с любопытством лесную окрестность, и, когда увидела незнакомый цветок или плод, она указывала на него, и Лакшмана приносил его ей; и Сита спрашивала у Рама о его названии. Так дошли они до знаменитого священного баньяна, и здесь Сита снова молилась о благополучном возвращении Рама.

И они пошли дальше; на ночлег остановились они на берегу Ямуны.

На рассвете Рама разбудил Лакшману и Ситу. Коснувшись священных вод Ямуны, они отправились дальше; и нежный щебет птиц улаждал их слух; долго шли они лесною тропой и наконец приблизились к благословенным обителям Читракуты.

«Смотри, о Сита, — молвил Рама, — как пламя, ярко рдеют в густой листве цветы деревьев кимшука. Ветви бхаллатак и билльв клонятся к земле под тяжестью цветов и плодов, и некому освободить их от бремени. Видишь, о Сита, рои пчел, вьющихся над благоухающими цветами? Слышишь, как сладко поет датьюха и откликаются ей из леса павлины? О милая, мы останемся здесь, в этих местах. Взгляни, там, за лесом, виднеются горные вершины; высоко вздымаются утесы Читракуты, подобные дворцам, блистающие на солнце то как серебро, то как сапфир, то багрянеющие, как кровь; с них ниспадают десятки водопадов, быстрых горных потоков и ручьев, сбегаящих по склонам во все стороны. А склоны горы покрыты рощами манго, диких яблонь и билльв, зарослями бамбука, лодхры, ююбы, тростника, нипы и сезама. Там обитают таинственные существа — киннары и видьядхары, избравшие эти прекрасные рощи для игр своих; по ночам на склонах Читракуты, как огоньки, светятся травы и в чаще бродят хищные звери — свирепые тигры, гиены и медведи.

Взгляни, вот река Мандакини с ее пестрыми островками и отмелями, с несметными стаями фламинго и уток на ней, с берегами, порос-

шими тенистыми деревьями и кустами, покрытыми множеством цветов; стада оленей приходят сюда на водопой, и отшельники свершают здесь свои омовения. О Сита, о Лакшмана, мы поселимся в этих чудесных краях и будем жить здесь счастливо, забыв о наших невзгодах!»

И Рама повелел Лакшмане принести дерево, хорошее и крепкое. Выбрав надлежащее место, они выстроили себе на Читракуте хижину. Когда хижина была готова, крытая листвою деревьев, прочная и защищенная от ветра, Лакшмана убил в лесу черного оленя, и, соорудив алтарь, они принесли жертву богам домашнего очага. Рама прочел подобающие мантры и молитвы. И они вступили в свое новое жилище.

И в этой хижине на Читракуте Рама, Сита и Лакшмана зажили счастливо и безмятежно.

СМЕРТЬ ДАШАРАТХИ

Простившись с царем нишадов, Сумантра с тяжелым сердцем пустился в обратный путь и на третий день в сумерки вернулся в Айодхью, безмолвную и безрадостную; и, когда он приблизился к ней, ему почудилось, что город пуст и все его жители вымерли. Когда же он въехал в городские ворота, народ толпами устремился к нему, чтобы услышать от него вести о Рама. Ответив на расспросы горожан, Сумантра добрался до царского дворца и, сойдя с колесницы, вступил в чертоги Дашаратхи.

Миновав один за другим семь покоев, Сумантра вошел в восьмой, погруженный в сумрак, и здесь узрел он царя в окружении его жен, сокрушенного горем о сыне, видом своим внушающего жалость; Кайкеи не было при нем.

Покрытый дорожной пылью, предстал Сумантра перед царем, смиренно сложив ладони, и передал ему слова Рама. Дашаратха, тяжело вздыхая, обратил взор свой на колесничего и в волнении, со слезами на глазах стал расспрашивать его о сыне: «Где остановился Рама на ночлег? Неужели, о Сумантра, он, царский сын, возвращенный в роскоши, привыкший к ложу, усланному дорогими тканями, проводит ночь под деревом, на голой земле, как нищий странник? И что он ест? Как живет он в глухом лесу, кишасщем хищными зверями и змеями, в безлюдье, он, кого сопровождали всегда пышная свита и охрана? Что сказал Рама? И что Лакшмана? И что сказала и сделала, войдя в лес,

царевна Видехи? Поведай мне обо всем, о колесничий, расскажи, как живут они в лесах!»

И Сумантра рассказал о том, как проводил он Раму до берегов Ганги, как простился с ним и вернулся домой. «И я увидел, о государь, — сказал Сумантра, — что во владениях твоих, покинутых Рамой, царит уныние. Даже деревья поникли в печали, роняя листья; пересохли пруды и ручьи; в реках и озерах завяли лотосы и воды замутились. Леса застыли в немой тоске, ничто не движется в них, звери попрятались в свои норы, умолкли птицы, листья и цветы потеряли свежесть свою и благоухание. Сады и рощи утратили красоту свою. И когда я вернулся в Айодхью, никто не приветствовал меня у ворот. И люди на улицах, встречая мою колесницу, великую выказывали горечь, и всюду я слышал скорбные вздохи и рыдания. И Айодхья предстала моим взорам тоскующей, как мать, утратившая сына».

Выслушав Сумантру в глубокой печали, царь отпустил его. День угас. Царь в своих покоях, изнуренный горем, отошел ко сну.

Среди ночи Дашаратха пробудился. То была шестая ночь со дня ухода Рамы. И, терзаемый скорбью разлуки с сыном, Дашаратха вспомнил давнюю вину свою. Он сказал Каушалье, которая пребывала без сна вместе с ним в эту ночь, тою же томимая печалью: «Поистине, о царица, человек пожинает плоды своих деяний! О я, безумный, я сам навлек на себя несчастье, подобно дитяти, вкусившему по неведению яд.

Это случилось в давно минувшие дни, когда ты не была еще моей женой. Я был тогда юным царевичем, преданным страсти к охоте и воинским упражнениям; и я был прославлен своим искусством в стрельбе из лука. «Царевич попадает в цель на слух, ее не видя» — так говорили обо мне; и, гордясь этим своим умением, я, кшатрий и лучник, совершил великий грех.

Было время дождей; солнце, высушив землю, вступило в ту мрачную область небес, куда удаляются мертвые; зной спал внезапно, и синие тучи появились на небосводе. Кваканье лягушек, крики павлинов и антилоп огласили леса, птицы укрылись в своих гнездах в листве деревьев, сотрясаемых дождем и ветром.

В это благодатное время года однажды на исходе дня я взял свой лук, взошел на колесницу и отправился в лес на берегу Сарайю, намереваясь подстрелить буйвола, или слона, или иного какого-нибудь зверя. Было уже совсем темно, когда я приблизился к берегу реки.

В непроглядной тьме я услышал у самой воды неясный звук, подобный крику слона. Я поднял свой лук и пустил стрелу, пустил ее на звук, и тотчас же услышал жалобный крик. Увы, то был не слон, а молодой пустынный, лесной житель, а шум, услышанный мною, был шумом лившейся в кувшин воды.

Когда я услышал человеческий голос, лук выпал из рук моих; испуганный, я поспешил на крик и на берегу Сарайю увидел юношу, расprostертого у самой воды, пронзенного моей стрелою. Рядом с ним лежал кувшин. Тело его было покрыто грязью и кровью. Он поднял на меня глаза и сказал: «За что ты убил меня, царевич? Что сделал я тебе дурного? Ведь ты убил вместе со мною и моих родителей, дряхлых, слепых и беспомощных, — я был их единственной опорой. Что станет с ними? Они ждут меня теперь — я обещал им принести воды из реки — и не знают, что я умираю здесь, на глазах у тебя. Ступай по этой тропе, о царевич, она приведет тебя к хижине моего отца. Поведай ему о моей смерти, но будь осторожен — берегись его проклятий. Но, прежде чем идти, извлеки эту стрелу, которая мучает меня. И не бойся, что тем лишишь меня жизни, — я не брахман родом, и грех твой не будет тягчайшим».

И когда я вытащил стрелу из его раны, он испустил дух. Подобрал кувшин с водой, я пошел по тропе и достиг одинокой хижины. Там увидел я престарелых родителей юноши, беспомощных, подобных птицам, у которых обрезали крылья. Я сказал им о смерти их сына; поведал я и о том, как это случилось. И, сраженный страшной вестью, отец убитого проклял меня. «Я мог бы испепелить тебя на месте моим проклятием, — сказал он мне. — Но ты погубил сына моего неумышленно и сам пришел сказать мне о его смерти. Поэтому не сразу поразит тебя мое проклятие — ты умрешь от тоски по своему сыну, как умираю я теперь». Затем, свершив поминальные обряды, родители юноши взошли на погребальный костер, и души их отлетели на небо.

Ныне сбывается предсказание старого отшельника, — плача, промолвил царь. — Я умираю от тоски по сыну. О Каушалья, я больше не вижу тебя; коснись меня рукою. Ах, если бы Рама был здесь и коснулся меня сейчас, я, кажется, мог бы еще жить. О, благословенны, трижды благословенны те, кто дожждется его возвращения! Чувства мои угасают, как угасают и превращаются в дым лучи светильника, в котором не осталось масла. И как бурный поток разрушает свои берега, горе мое разрушает мое тело. О сын мой, опора моя, ты ушел от меня!

О Каушалья! О бедная Сумитра! О жестокая, о враг мой, Кайкейи, ты, что опозорила род свой!» — И с этими словами царь Дашаратха испустил свой последний вздох.

Утром, пробудившись, царские жены нашли его недвижимым на его ложе. Сначала подумали они, что спит он; но, не слыша его дыхания, они затрепетали, как листья на ветру. Когда же истина открылась им, громкие вопли и плач их огласили царский чертог. Видя царя бездыханным, Каушалья обвила его тело руками и разразилась безутешными рыданиями. «Радуйся, о жестокосердная Кайкейи! — восклицала она. — Ты добилась исполнения своих желаний». И горько плакала и убивалась Сумитра, и вместе с нею Кайкейи и все жены царя.

Великое горе и смятение охватило Айодхью. Собравшись во дворце, приближенные царя совершили печальный обряд. Но в отсутствие сына царя они не решились предать тело погребальному костру и, поместив его в чан, наполненный маслом, стали держать совет. Они обратились к Васиштхе, вопрошая его о том, как надлежит им поступать далее. «Страна, лишенная царя, — говорили они, — подвержена бедам и мятежам, ей угрожают враги; младшие там не повинуются старшим, жены — мужьям; жители не строят домов, не возделывают полей, не приносят жертвы богам; богатство не имеет надежной охраны; купцы, прибывшие с товарами из дальних краев, не знают безопасности на дорогах; нет защиты от воров и разбойников; никто не может ни приобрести имущества, ни сохранить приобретенное. Люди в такой стране живут как рыбы, пожирая друг друга, и государство идет к гибели. Назови нам нового царя, о Васигатха! Ибо страна без царя — все равно что река без воды, лес без листвы, стадо без пастыря!»

Выслушав эти речи, Васиштха сказал: «Бхарата, на которого государь возложил бремя царского долга, живет в столице дяди своего вместе со своим братом Шатругхной. Не мешкая пошлем за ним гонцов». И советники согласились с ним.

Тогда он призвал к себе четверых приближенных царя и приказал им: «Отправляйтесь сей же час на быстрых конях в столицу царя Ашвапати. Скажите Бхарате, что я и советники просим его и Шатругхну возвратиться незамедлительно в Айодхью, ибо того требует неотложное дело. Но ничего не говорите ему до времени о бедах, постигших род Рагу, — об изгнании Рамы и о смерти царя».

Гонцы, повинувшись Васиштхе, отправились в дорогу и поздно вечером на седьмой день пути прибыли в Гиривраджу.

ВОЗВРАЩЕНИЕ БХАРАТЫ

В ту ночь, когда гонцы из Айодхьи прибыли в столицу Ашвапати, Бхарате приснился недобрый сон. И на следующий день он был задумчив и грустен, и напрасно, призвав красивых танцовщиц, друзья старались развлечь его плясками, игрой на лютне и веселыми представлениями. Он не рассмеялся ни разу, и печаль не покидала его. Наконец один из друзей спросил: «Почему нерадостен ты сегодня, царевич, здесь, в окружении твоих друзей?» Бхарата сказал: «Этой ночью я видел во сне моего отца, бледного, с развевающимися волосами; я видел, будто он упал с вершины горы в грязный пруд, полный коровьего навоза. Потом я увидел его, покрытого с головы до ног маслом, и, смеясь, он черпал масло пригоршнями и пил его. И снилось мне, что месяц упал с небес на землю, и земля разверзлась, и обнажилось дно океана. Листва опала с деревьев, и все горы стали извергать дым. И опять я увидел моего отца; в черной одежде и с венком из красных цветов на голове, он уносился к югу на колеснице, влекомой ослами. Женщина в красном платье смеялась над ним; и я видел, как свирепый обличьем ракшас схватил его и поволок за собою. Это мрачное сновидение не идет у меня из ума, и безотчетный страх томит мою душу — вот почему я невесел и не отвечаю на ваши речи. Я не могу избавиться от непонятной тревоги; этот сон предвещает недоброе нашему роду!»

В то время как он говорил это, послы из Айодхьи вступили в царский дворец. Принятые с почетом царем Ашвапати, они принесли богатые платья и украшения в дар ему и царевичам и обратились затем к Бхарате — передали ему слова Васиштхи, как тот повелел им. И на все расспросы Бхараты о здоровье царя и цариц и братьев гонцы отвечали кратко, что все здоровы, но неотложное дело требует возвращения Бхараты и Шатругхны в Айодхью.

Испросив разрешения у царя Ашвапати, Бхарата отправился в путь с Шатругхной. И царь кекаев богато одарил его на прощание: он подарил ему огромных слонов с Ираватских гор, и быстрых коней, и верблюдов, и сторожевых собак с клыками, как мечи, силою подобных тиграм, и две тысячи золотых монет и снарядил многолюдную свиту сопровождать его. Но щедрые дары не тешили душу Бхараты, омраченную тревогой.

Нигде не останавливаясь надолго, держал Бхарата путь домой через леса и реки, оставляя позади своей колесницы города и страны,

и, когда миновала седьмая ночь пути, на рассвете он увидел перед собой Айодхью. Но, приближаясь к городу, Бхарата был удивлен царящей в нем тишиной. Безлюдны были сады, обычно полные по утрам любителей развлечений, веселившихся ночь напролет; из городских ворот не выезжали и не въезжали в них колесницы и повозки, не шествовали слоны и вьючные животные, и людей не было видно на дороге. И сердце Бхараты сжалось, предчувствуя беду.

И когда Бхарата въехал в город через ворота Вайджаянта, он увидел приметы, которые, как было ему ведомо, возвещали кончину государя. Дома горожан стояли неубранные, с раскрытыми дверьми; на зданиях не было стягов; лавки купцов были закрыты, храмы — не украшены гирляндами цветов, площади перед ними пусты и не метены, и дым жертвоприношений нигде не поднимался к небу.

Понурился сердцем, с тяжелым сердцем вступил Бхарата в царский дворец и направился сразу в покои своей матери. Увидев сына, вернувшегося домой после долгого отсутствия, царица Кайкейи, обрадованная, поднялась со своей золотой асаны. Царевич поклонился матери в ноги, и она обняла его. Ответив на расспросы матери о здоровье брата ее и о путешествии, Бхарата с тревогою стал спрашивать об отце. «Я поспешил сюда, чтобы приветствовать его. Ведь это время дня он проводил всегда в твоих покоях, — молвил Бхарата, обращаясь к царице. — Почему его нет здесь сейчас? Где он? Я хочу припасть к его ногам».

И Кайкейи ответила тогда: «Государя, отца твоего, постигла участь, ожидающая все существа в этом мире».

Вняв вести о смерти отца, Бхарата, обуреваемый великою скорбью, упал на землю как подкошенный. И лик его, прекрасный, как месяц осенней ночью, исказился от рыданий, горькие сетования слетели с уст его. Кайкейи, утешая его, помогла ему подняться, и тогда Бхарата спросил: «Какой недуг сразил отца моего? Что говорил он перед смертью? Расскажи мне о последних его минутах». Кайкейи поведала ему обо всем. «Благословенны те, кто дождетсЯ возвращения Рамы и Лакшманы вместе с Ситой» — таковы были слова государя перед смертью», — сказала она.

Предчувствуя еще и другую беду, Бхарата спросил печально: «Куда же удалился Рама с Лакшманой и Ситой?» И Кайкейи, тщеславной исполненная радости, рассказала ему о том, как добилась она изгнания Рамы и царства своему сыну.

Бхарата, выслушав ее, сказал горестно: «Лишившись отца и старшего брата, который заменил бы мне отца, что стану я, несчастный, делать с царством? Бремя царского долга не по плечу мне; но даже если бы я был его достоин, я никогда не принял бы его, пока жив Рама, законный наследник царского трона. Как могла прийти в голову тебе эта нечестивая мысль? Что сделали тебе дурного Рама, или Каушалья, или Сумитра, ввергнутые тобою в пучину горя? О ты, убившая своего супруга, о враг мой в образе матери, не говори со мною! Ты не дочь своего отца, ты — демонское отродье, явившееся на погибель нашего рода! Уходи прочь, умри, отправляйся в ад — нет для тебя иного пути! Как смыть мне позор, который ты навлекла на меня? Я тотчас возвращу из изгнания Раму, достойного высочайшей славы, сам же я удалюсь в лесную пустыню». И с этими словами Бхарата, сбросив с себя украшения, снова опустился на землю, вздыхая, как разъяренная змея.

Между тем Каушалья, услышав голос Бхараты во дворце, сказала Сумитре: «Сын коварной Кайкеи вернулся. Я хочу видеть его». И когда Каушалья встретила Бхарату и Шатругхну, оба царевича поклонились ей в ноги, глубоко изъявляя горесть. Каушалья же сказала, обращаясь к Бхарате: «Вот и обрел ты желанное царство, лишненное терния, уязвлявшего твое сердце! Твоя мать коварством добилась этого для тебя. Но ей надлежало отправить меня в изгнание вместе с моим сыном. Сделай это ты, о Бхарата! Повели, чтобы меня и Сумитру отослали туда, где в лесном безлюдье ведут жизнь подвижников наши сыновья и Сита!»

Пораженный в самое сердце упреком Каушальи, Бхарата упал к ее ногам, восклицая со слезами: «Не укоряй меня, о благородная царица! Я жил в далекой стране, не зная ничего о замыслах моей матери; я никогда не желал царства! Ты знаешь, что я всегда был предан Раме; пусть проклят будет тот, кто рад его изгнанию, пусть не увидит он лица своих детей, пусть кончат дни свои в одиночестве, презренный и покинутый родными и друзьями!» И, смягченная клятвами Бхараты, Каушалья обняла его и обратилась к нему со словами утешения.

И мудрый Васиштха приблизился к Бхарате, призывая его смирить свое горе, и напомнил ему о его долге — свершить над телом отца погребальный обряд. И Бхарата повелел жрецам исполнить необходимые обряды, и те повиновались.

Тело царя извлекли из чана с маслом, возложили на колесницу, и под всеобщий плач и стенания колесница выехала из городских во-

рот; царские жены и сыновья, жрецы и советники шли за нею. На берегу Сарайю, у погребального костра, жрецы прочли молитвы и пропели похоронные гимны. И, вернувшись во дворец, все, провожавшие тело царя к месту сожжения, провели десять дней, лежа на земле и предаваясь скорби.

На двенадцатый день Бхарата принес поминальную жертву шраддха и щедро одарил всех брахманов, свершавших обряды. В тринадцатый день он пешком пришел на место сожжения тела царя и здесь долго оплакивал отца.

Когда он вернулся во дворец, Шатругхна, деливший с ним горе, обратился к нему со словами: «Как могло случиться, что Рама, могучий воин, чтимый всеми, был изгнан в леса женщиной? И почему брат мой, отважный Лакшмана, не вступился за него перед отцом? Ибо царь, под влиянием женщины, поступающей несправедливо, должен быть остановлен в деянии своем». И в то время, как он говорил так, в дверях появилась горбунья, богато одетая, увешанная драгоценностями и умащенная благовониями, подобная разряженной обезьяне.

Бхарата, стоявший у двери, схватил злодейку и толкнул ее к Шатругхне со словами: «Вот та, из-за которой изгнан Рама и отец наш лишился жизни. Поступай с нею как знаешь». И Шатругхна набросился на горбунью с великой яростью, она же подняла отчаянный вопль, огласивший покои, а служанки, сопровождавшие ее, разбежались с криками во все стороны.

Когда Шатругхна поволок по земле визжащую горбунью, украшения ее рассыпались повсюду, усеяв пол; царица Кайкейи, уstraшенная гневом Шатругхны, кинулась к сыну, моля о защите. Бхарата сказал брату: «Оставь ее. Женщину не должно убивать. Если мы уьем горбунью, Рама не одобрит нашего поступка». И Шатругхна отпустил Мантхару, а та, подобно попавшей в силки куропатке, бросилась с жалобным плачем к ногам Кайкейи.

Утром четырнадцатого дня царские советники явились к Бхарате и попросили его стать царем Айодхьи.

Но Бхарата отверг их просьбу. Он повелел снарядить войско — пехоту, конницу, слонов и колесницы — и проложить для него дорогу через леса, чтобы идти с ним к месту изгнания Рамы.

И несметные толпы искусных работников явились, чтобы исполнить веление Бхараты. И были среди них умелые строители дорог

и мостов, люди, сведущие в качествах почвы, в проведении каналов, землекопы, лесорубы, плотники, тележники, сторожа, корзинщики, повара, проводники по лесным дебрям. Они пришли, снабженные всеми нужными орудиями и принадлежностями, и принялись за работу с усердием и сноровкой. Они расчищали заросли, валили деревья, прорубали просеки в лесу и продвигались вперед, прокладывая дорогу; они срывали бугры на пути и выравнивали почву; засыпали землю ямы и рытвины; мостили дорогу; перекидывали мосты через реки; в местах, бедных водою, рыли пруды; там, где нужно, вырубали лес, в других же местах сажали деревья и разбивали цветники вдоль пути. Так довели они дорогу до берегов Ганги, и чем дальше, тем она выглядела прекрасней, словно тропа небожителей.

И в назначенный день огромное войско двинулось вслед за Бхаратой по этой дороге. Тысяча слонов, шесть тысяч лучников на боевых колесницах, сто тысяч всадников сопровождали славного царского сына в его пути к месту изгнания Рамы. Впереди него на блистающих, как солнце, колесницах ехали верховные жрецы и советники, а позади — царицы Каушалья, Сумитра и Кайкейи; вместе с ними, жаждущие видеть Раму, отправились в путь почтеннейшие из жителей Айодхьи; и за войском следовали тысячи купцов, торговцев тканями и драгоценностями, тысячи золотых дел мастеров, гранильщиков алмазов, искусных горшечников, ткачей, оружейников, стекольщиков, резчиков по слоновой кости, поваров, торговцев вином и благовониями, банщиков, врачей, прачек, портных, певцов, музыкантов и танцовщиц, тысячи горожан всех званий со своими женами.

Войско достигло Ганги и стало многолюдным лагерем на ее берегу вблизи Шрингаверапуры. По просьбе Бхараты царь нишадов снарядил сотни судов и лодок, больших и малых, чтобы переправить его с войском и свитой на другую сторону. На большом, красиво украшенном судне, с гребцами и музыкантами на борту, Бхарата с Шатругхной, царские жены, советники и жрецы пересекли благополучно Гангу, а на других лодках и плотах переправилось все войско Бхараты, со слонами, конями, колесницами, оружием, продовольствием, и все люди, сопровождавшие войско и царевича.

Со своей многочисленной свитой Бхарата двинулся дальше. И после долгого и утомительного пути, миновав священную обитель Бхарадваджи и переправившись через Ямуну, в один из дней он завидел наконец перед собою вершины Читракуты.

Дозорные, шедшие впереди войска, заметили дым, поднимающийся на вершине горы, и доложили о том Бхарате. Догадавшись, что они приблизились к обители Рамы, царевич приказал войску остановиться и пошел дальше один, взяв с собою только Шатругхну и Сумантру.

БХАРАТА НА ЧИТРАКУТЕ

Рама и Сита сидели у очага за полдневною трапезой, когда увидели поднявшиеся над окрестностью тучи пыли, и глухой отдаленный шум, подобный раскатам грома, коснулся их слуха. Рама кликнул Лакшману, а затем сказал ему: «Слышишь ли ты этот грозный нарастающий рокот, о Лакшмана? Видишь бегущие в тревоге из леса стада оленей и буйволов, диких слонов и львов? Узнай, кто спугнул их — царская ли охота посетила окрестные леса, или некий свирепый зверь рыщет поблизости от нас».

И Лакшмана пошел и взобрался на вершину дерева шала. Оглядевшись кругом, он обратил взор на восток. Там увидел он огромное войско, движущееся к Читракуте с развернутыми знаменами, — слонов, колесницы, конницу, пехоту — словно волны океана; тучей покрыло оно долины и холмы.

Поспешно возвратившись, Лакшмана сказал Рама: «Потуши огонь, о Рама, и отведи поскорее Ситу в потаенную пещеру; натяни тетиву на свой лук, приготовь стрелы и надень кольчугу. Бхарата, сын Кайкейи, приближается сюда с несметным войском, намереваясь убить нас обоих, чтобы обезопасить от покушения власть свою над царством.

— Ныне, — продолжал Лакшмана, пылая гневом, — я встречу с Бхаратой, из-за которого ввергнуты мы в эту великую невзгоду! Поистине, я убью его! И я не вижу в том греха, о Рама, чтобы убить того, кто причинил нам зло. Сегодня же увидит Кайкейи, как падет ее сын от руки моей! Я убью и Кайкейи, я истреблю всех наших недругов, и ты обретешь царство, принадлежащее тебе по праву!»

Но Рама, догадываясь об истине, постарался успокоить Лакшману. «Нет сомнения, узнав о нашем изгнании, Бхарата пришел сюда повидать нас. Я не верю, что он может замыслить против нас зло, — сказал Рама. — У тебя нет причины говорить о нем дурно, Лакшмана. Брат не должен восставать на брата в борьбе за царство». И сын Сумитры,

устыдившись, понурил голову и сказал Раме: «Быть может, и отец наш пришел вместе с войском, чтобы навестить нас».

Бхарата между тем, оставив войско у подножия Читракуты, отправился к обители Рамы в сопровождении Шатругхны и Сумантры, угадывая путь по дыму, поднимавшемуся над лесом. И, пройдя по лесным тропам, он увидел хижину, крытую листьями пальм и деревьев шала, и горящий очаг, и Раму, и Ситу, и Лакшману, сидевших у очага на посланных на земле звериных шкурах.

Увидев Раму, одетого в рубище, с оленьей шкурой на плечах, Бхарата зарыдал и бросился к его ногам. «О благородный брат мой! — вскричал он. — Из-за меня ты терпишь эти невзгоды, ты, достойный царской участи! О я, несчастный, презренна жизнь моя, жалок мой удел!»

Рама, едва узнав Бхарату, исхудавшего и бледного лицом, обнял его крепко и, прижав к груди своей, заговорил с ним ласково. «О, как долго я не видел тебя, мой мальчик! — молвил Рама. — Зачем ты пришел сюда, в этот дремучий лес? Ты не должен был делать этого, пока жив твой отец. Здоров ли государь, отец наш? Здоровы ли Каушалья и Сумитра? Благополучна ли царица Кайкейи? И как правишь ты страной, как живетса под твоею властью народу Айодхьи и окрестных земель?»

Бхарата отвечал: «Наш отец покинул нас, он взмог на небо, сокрушенный горем о сыне. Моя мать Кайкейи тому причиной. Тяжкий грех совершила она, стремясь завладеть царством, и ад будет ее уделом. Я же, раб твой, пришел сюда вместе с советниками просить тебя о милости — вернись в Айодхью и будь нашим царем, о Рама!»

Услышав о смерти отца, Рама, пораженный как ударом грома, упал на землю, словно дерево в цвету, подрубленное топором. Братья его и Сита разразились рыданиями, видя это. Они обрызгали его лицо водою, и, придя в себя, Рама сказал: «О Сита, свекор твой умер; о Лакшмана, ты лишился отца! Что делать мне теперь в Айодхье, когда нет там моего отца и повелителя?! Я не вернусь туда, даже когда истечет срок изгнания».

Вместе с братьями и Ситой, заливающейся слезами, и с Сумантрой Рама сошел к берегам Мандакини, струящейся среди цветущих лесов, и совершил поминальный обряд возлиянием воды. Затем, совершив поминальное жертвоприношение плодами, называемое «пинда», братья вернулись к хижине Рамы, оглашая окрестность плачем.

Услышав этот плач, воины и приближенные Бхараты догадались о встрече его с Рамой. Тогда войско двинулось к обители, сотрясая землю своею поступью, и, испугнутые, бежали при его приближении олени, вепри, львы, буйволы, тигры, гаялы, антилопы, а лесные птицы разлетались во все стороны. И Рама приветливо встретил у своего жилища друзей своих и доброжелателей.

Васиштха привел жен Дашаратхи к хижине Рамы. Видя бедную хижину и Раму в одежде отшельника, горько сетовали царицы; Рама поклонился им в ноги, и вслед за ним поклонились Лакшмана и Сита. Каушалья плакала, увидев изгнанников в лесной глуши, в дикой местности, отдаленной от родного дома,

В присутствии царских жен и советников, почтенных горожан Бхарата опять обратился к Раме, заклиная его вернуться в Айодхью и принять бразды правления государством. Все присоединились к просьбе Бхараты. Но Рама был тверд в своем решении следовать велению отца. «Слово царя должно быть нерушимо, — сказал Рама. — И сын обязан повиноваться велению отца после смерти его, как и при жизни. Отец наш обещал твоей матери, спасшей ему жизнь, исполнить два ее желания. И наш долг, долг сыновей его, — все сделать для того, чтобы обещание его было исполнено. Поэтому пусть царский балдахин осенит твою голову; мою же осенит листва деревьев в дремучем лесу».

Ни братья, ни мудрый Васиштха, ни царицы, ни горожане, ни царские слуги не могли поколебать Раму просьбами своими. Тогда Бхарата сказал Сумантре: «Пойди принеси охапку травы куша и положи ее здесь, у дверей хижины». И когда колесничий повиновался его словам, Бхарата лег на траву и сказал: «Я останусь здесь, пока Рама не согласится принять власть над царством. Слушайте меня, советники и приближенные! Если он откажет мне, я и тогда останусь здесь и разделю с ним его изгнание. Я никогда не желал царства отца моего, царства, коего я не достоин. Пусть правит им тот, кому доверит его Рама».

Рама сказал: «Встань, о Бхарата, возлюбленный брат мой! Возвращайся в Айодхью. Ты достоин этого царства, о украшение рода Рагху! Вместе с мудрыми советниками и приближенными ты будешь править им справедливо и со славой. Не порицай свою мать; оказывай ей уважение, которое матери оказывать должно. И знай, что скорее красота покинет луну, Гималаи лишатся снегов и выйдет из своих берегов океан, нежели я отступлюсь от обещания, данного моему отцу и повелителю».

Видя непреклонную решимость Рамы, замолкли все, вторившие Бхарате. И Бхарата сказал тогда сыну Каушалы, тяжело вздыхая: «О благородный, сними с ног сандалии твои, украшенные золотом». И, взяв сандалии Рамы, он поклонился им и сказал: «Я беру их с собою в Айодхью; им я передаю царскую власть. Сам же я, облачившись в одежду отшельника, останусь за пределами города и, твой наместник, буду ждать твоего возвращения. Если же ты не вернешься через четырнадцать лет, я войду в огонь костра».

«Да будет так», — сказал Рама и обнял Бхарату и Шатругхну. И, простившись с Рамой, Бхарата, Шатругхна, царицы, свита их и войско, глубоко опечаленные, покинули Читракуту.

И, вернувшись в Айодхью, Бхарата не остался в ней. Он удалился в Нандиграму, селение, лежавшее к востоку от столицы, и, поместив сандалии брата под царским балдахином как залог возвращения изгнанного, правил страну именем Рамы.

ИЗГНАННИКИ ПОКИДАЮТ ЧИТРАКУТУ

Спустя немного дней после ухода Бхараты стал замечать Рама, что странно переменялось поведение отшельников, живших под его защитой на Читракуте, вблизи его дома. Явно поселилась в них какая-то тревога; и он заметил, что при встрече с ним они переговариваются тихо и бросают на него вопрошающие взгляды.

Тогда, видя по их лицам, что они пребывают в смущении и страхе, Рама обратился к старейшему из отшельников, сложив почтительно ладони. «О премудрый, — сказал он, — не нарушил ли я закона прежних государей в глазах этих святых людей, что привело в смятение их души? Или брат мой Лакшмана совершил что-либо его недостойное? Или жена моя Сита не оказала вам должного почтения, как то приличествует женщине?»

И ответил ему старец, дряхлый и согбенный, тряся головою: «Мог ли нарушить закон благочестивый и щедрый покровитель отшельников? Нет, сын мой, причина их тревоги другая. Это страх перед ракшасами угнетает их, об этом ведут они речи между собою. С тех пор как ты поселился у нас, ракшасы, ненавидящие тебя, не дают покоя нашей округе. Кхара, младший брат Раваны, и с ним другие дерзкие

СКАЗАНИЕ О РАМЕ

и кровожадные демоны-людоеды преследуют отшельников, являясь им в чудовищных и отвратительных личинах, наводящих ужас; они забрасывают святых отшельников нечистотами, во время жертвоприношений опрокидывают сосуды с жертвенной пищей и льют воду на священный огонь. Невидимками подкрадываются они к нашим хижинам и похищают жителей, мучают их и убивают. О Рагхава, мы не можем больше оставаться в лесах Читракуты, кишаших бесами; мы решили покинуть эту обитель! Недалеко отсюда есть цветущая лесная страна, изобилующая плодами и съедобными кореньями. Туда уходи я со своим народом; уходи и ты с нами! Негоже тебе оставаться здесь в безлюдье, среди враждебных духов».

И вскоре отшельники ушли с Читракуты. Тогда Рама стал размышлять и решил, что не останется долее в этих местах. «Здесь виделся я последний раз с моею матерью, с Бхаратой и горожанами; память об их слезах и горе не покидает меня. К тому же слоны и кони благородного Бхараты истоптали все кругом, и местность уже не радует взора. Нам следует уйти отсюда». Так думал Рама, и он поведал о своем решении Лакшмане и дочери Видехи.

В тот же день они оставили склоны Читракуты и к вечеру достигли обители благочестивого Атри, который принял Раму, как родного сына. Там провели они ночь, а наутро собрались продолжить путь. У отшельников, свершавших утренние обряды, Рама спросил, кто населяет леса, начинающиеся за оградой обители. И он узнал, что леса кругом полны хищных зверей и ракшасов, питающихся человеческим мясом; что нередко гибнут в лесу путники-отшельники, когда не соблюдают они должной осторожности или пренебрегут обрядами. Жители пустыни указали Раме тропу, проложенную отшельниками, и вместе с Ситой и Лакшманой он углубился в дремучий лес, подобно тому как скрывается солнце в непроглядных тучах.

КНИГА ТРЕТЬЯ

ЛЕСНАЯ

ИЗГНАННИКИ В ЛЕСУ ДАНДАКА

В лесу Дандака на яркой поляне среди прозрачных водоемов, покрытых божественными цветами лотосов, Рама увидел хижины из травы и бересты. В них жили отшельники. Полы и стены хижин были покрыты оленьими шкурами, а по углам лежали связки хвороста, плоды, коренья и стояли сосуды с водой. В каждой хижине был небольшой алтарь для разведения священного огня. Древние старцы, одетые в платье из коры деревьев и оленьи шкуры, нараспев читали молитвы и заклинания, и все вокруг было мирно и тихо.

Рама опустил свой лук и направился к отшельникам, которые с восторгом воззрились на пришельцев: на Раму, подобного луне, на Лакшману, стройного станом и отважного лицом, на Ситу, прекрасную, как Лакшми, богиня счастья. Святые старцы благословили их от чистого сердца, предложили им кров и все, чем были богаты сами. Громко восславили они Раму, своего покровителя и друга.

Рама отдохнул у радушных брахманов, а потом с Лакшманой и Ситой пошел в глубь леса, кишевшего дикими и хищными зверями. Сыро, темно и мрачно было там, и путь им преграждали деревья, опрокинутые свирепой бурей и могучим лесным зверем.

Вскоре в лесной чаще путники заметили людоеда, огромного, как горная вершина. Рык его был подобен грому, и видом он был ужасен: с одним глазом, с бездонным брюхом, с телом, измазанным кровью, с широко раскрытой пастью.

Когда людоед увидел Раму, Лакшману и Ситу, прекрасную дочь царя Митхилы, он пришел в ярость и кинулся на них так, как Разрушитель Мира бросался на все живое в час гибели Вселенной. Воплем

своим сотрясая землю, он схватил Ситу, посадил ее к себе на бедро и, отскочив в сторону, крикнул Рама и Лакшмане: «Эй вы, бродяги в берестяных одеждах! Эй вы, слабосильные людишки! Зачем вам, тощим подвижникам, оружие и женщина? Вы — скверные и похотливые нечестивцы! Вы позорите праведных отшельников! Я — грозный и свирепый ракшас, и зовут меня Вирадха. Лес Дандака принадлежит мне, и я брожу по нему и пожираю дичь и благочестивых отшельников. Эта неземная красавица не для вас, она станет моей женой, а тела ваши будут мне сегодня пищей».

Услышав эти речи Вирадхи, Сита затрепетала от страха, как трепещет дерево, сотрясаемое ветром. Рама взглянул на нежную Ситу, несомую на бедре кровожадным ракшасом, лицо его побледнело от горя, и он сказал Лакшмане: «О милый брат мой, посмотри на Ситу, мою верную и непорочную супругу. Прекрасная царевна, вскормленная в роскоши и неге, — на бедре у людоеда! О Лакшмана! Вот чего добивалась для нас жестокая Кайкейи! Этой корыстолюбивой царице, моей второй матери, не довольно было отнять у меня царство, ей хотелось еще и погубить нас в лесных дебрях.

О сын Сумитры! Ничто — ни холодность отца моего, ни потеря царства, ни жизнь в лесах — не может причинить мне больше горя, чем прикосновение чужого человека к Сите, моей супруге».

С глазами, полными слез, говорил Рама эти горестные слова своему верному брату, и Лакшмана загорелся гневом. Яростно, как слон, пришедший в неистовство, закричал он: «Почему же ты, повелитель Вселенной, предаешься печали, как будто ты всеми покинут, как будто нет меня рядом с тобой? Земля упьется кровью этого мерзкого пожирателя мяса, когда он падет бездыханным, лишенным жизни моей стрелой! Я обрушу на него весь гнев, накопившийся во мне с того дня, когда лишили тебя родины и власти».

Вирадха, услышав грозные речи Лакшманы, громко засмеялся: «Эй вы! Оставьте свои надежды и убирайтесь отсюда, пока целы. Всемогущий Брахма наградил меня великим даром — никто в мире не может причинить мне вреда оружием. Не берут меня ни мечи, ни стрелы, ни дротики, ни секиры».

Тогда Рама с лицом, пылавшим гневом, ответил людоеду: «Ты, видно, ищешь смерти, и ты найдешь ее сегодня в битве». Он натянул лук и всадил в ракшаса острую стрелу, а за ней еще семь стрел, украшенных павлиньими перьями, блеснувших в воздухе, как языки пламени.

Меткие стрелы Рама пронзили тело Вирадхи и упали на землю, покрытые дымящейся кровью. Ракшас пришел в ярость от боли, посадил Ситу на землю и, высоко подняв дротик, метнул его в Раму.

Ливень стрел обрушили Рама и Лакшмана на людоеда, но он только смеялся, отшвыривая от себя стрелы руками. Тогда братья бросились на ракшаса с острыми мечами, подобными черным губительным змеям. И когда они приблизились к Вирадхе, он схватил их своими длинными руками и, посадив на плечи, понес их в глубину леса, сотрясая деревья и землю своим страшным криком.

Сита, увидев, что лесное чудовище уносит ее возлюбленного супруга и его благородного брата, горестно закричала, простирая руки к небу: «О Рама, сын Дашаратхи, сильный, чистый, правдивый! Тебя уносит злой ракшас, тебя и Лакшману! А меня растерзают медведи, тигры и пантеры! О ракшас, возьми лучше меня. Я склоняюсь перед тобою, только отпусти Раму и Лакшману!»

Когда Рама и Лакшмана услышали крик Ситы, их терпение истощилось, и для ракшаса наступил последний час. Лакшмана схватил Вирадху за левую руку, Рама — за правую, и в могучих ладонях братьев-царевичей руки ракшаса переломились, как сухие щепки. Огромный, как туча, он потерял сознание от боли и рухнул на землю, как холм, развалившийся под ударами молний. А Рама и Лакшмана бросились на людоеда и стали топтать его ногами. Они изрубили его секирами, сломали ему ноги, но страшный ракшас все еще оставался живым. Тогда Рама велел Лакшмане вырыть большую яму, чтобы заживо похоронить в ней жестокого пожирателя мяса. И тут Вирадха жалобно сказал старшему сыну Дашаратхи: «Я убит тобой, владыка, и сила твоя подобна силе самого Индры. Только мое неведение помешало мне признать тебя раньше. Теперь же я узнал тебя — ты великий Рама, достойный сын Каушалы. Я узнал и Лакшману, твоего брата, и прекрасную Ситу, твою преданную супругу. О благородный Рама, я — гандхарва. Но проклял меня когда-то бог богатства Кубера: я пытался соблазнить красавицу-апсару Рамбху. И стал я кровожадным ракшасом, но Кубера сжалился надо мной и сказал мне: «Когда Рама, сын Дашаратхи, сокрушит тебя в поединке, ты снова станешь небесным музыкантом и вернешься обратно на небо». Спасибо тебе, великий Рама. Отныне я свободен от проклятия Куберы и вернусь в поднебесье. Закопайте меня в лесную яму и ступайте себе с миром. Недалеко отсюда есть обитель великого подвижника Шарабханги, идите к нему, он принесет вам благо».

Сыновья Дашаратхи так и сделали — закопали в землю лесного людоеда и, радостные, поспешили к Сите, чтобы обнять ее и утешить.

Затем Рама сказал Лакшмане и Сите: «В этом лесу оставаться опасно — он дик и мрачен и кишит ядовитыми гадами и дикими зверями. Нам неведомы здесь лесные тропы и дороги, и лучше нам уйти отсюда в обитель благочестивого Шарабханги». Лакшмана и Сита с ним согласились.

Когда все трое приблизились к обители Шарабханги, Рама вдруг заметил в небе невиданное чудо: необыкновенной красоты драгоценную колесницу, запряженную зелеными конями, в колеснице — великого Индру в нетленных одеждах в окружении небесных дев, красавиц-апсар, держащих над ним золотые опахала. Вокруг колесницы Индры были другие небесные колесницы; в них сидели небожители и нежными голосами пели гимны, прославляя повелителя небес.

Рама показал рукой Лакшмане и Сите на явившееся им чудо и сказал: «Вы подождите меня здесь, а я пойду к обители. Кажется мне, что сам Индра со своей свитой пожаловал к святому старцу». Рама устремился к хижине отшельника, но, когда подбежал он к обители Шарабханги, необыкновенное видение исчезло — Индра простился со старцем, как только увидел бегущего к хижине Раму, и сказал: «До тех пор пока доблестный Рама не сокрушит всех врагов обитателей небес, пока не одержит победу в этой борьбе, он не должен меня видеть».

Когда Рама и Лакшмана вместе с Ситой подошли к обители, они низко поклонились отшельнику и воздали ему подобающие почести. Шарабханга приветливо их встретил и ласково сказал: «Это Индра был у меня в гостях, благородный Рама. Он звал меня к себе на небо. Но я знал, что ты идешь ко мне с братом и супругой, и ожидал вашего прихода. Вы — дорогие для меня гости, и вместе с вами в мою бедную хижину пришла радость».

И Рама ответил радушному Шарабханге: «Мы пришли к тебе, праведный отец, искать у тебя убежища в этом диком лесу». Тогда Шарабханга дал совет благородному Раме идти дальше к обители подвижника Сутикшны, а сам развел на алтаре огонь и бросился в него, чтобы последовать затем во владения Индры. Его дряхлое тело сгорело в священном огне жертвенного алтаря, и стал Шарабханга юным и прекрасным и взлетел в поднебесье, в царство Индры, повелителя молний.

Рама, Лакшмана и Сита остались одни в обители Шарабханги. Но вскоре явились к ним отшельники из окрестных хижин и обратились

МАХАБХАРАТА

с мольбой к доблестному Рама: «О могучий стрелок из лука, ты прославлен в этом мире своей силой и воинским искусством. Праведность и правдивость обрели в тебе свою обитель. Мы, отшельники, молим тебя — защити от ракшасов наши алтари, тела и души. Трупам праведных подвижников усеяли злые ракшасы лесные дороги, великие муки терпят живущие на берегах Пампы и Мандакини и обитающие в лесу Читракута. Мы припадаем к ногам твоим, владыка, и ищем у тебя от ракшасов защиты. Освободи же нас от бродящих в ночи пожирателей мяса, великий воин!»

Рама поднял с земли благочестивых старцев и сказал им: «Вам не нужно молить меня об этом: долг мой — быть вам защитой. Я живу в лесу не для своего только, но и для вашего блага — я буду охранять вас от всех напастей. И, сопровождаемый Лакшманой и Ситой, окруженный благочестивыми старцами, Рама направился к обители Сутикшны.

После долгого пути через леса и речные потоки Рама увидел украшенную цветами хижину Сутикшны. Сыновья Дашаратхи и Сита почтительно поздоровались с подвижником, и Сутикшна приветливо сказал им: «Добро пожаловать, благородные царевичи. Я слышал, великий Рама, что коварством лишили тебя царства и изгнали из Айодхьи. Живите в моей хижине и будьте в ней хозяевами, не гостями, а меня давно уже зовет к себе Индра».

Рама поблагодарил Сутикшну за гостеприимство, и они провели в обители ночь, а наутро пошли по лесу Дандака дальше.

ШУРПАНАКХА

Десять лет прожил Рама с Ситой и Лакшманой в лесу Дандака, переходя из одной обители в другую, охраняя благочестивых отшельников от хищных зверей, ракшасов и ядовитых гадов. А на одиннадцатый год Рама вернулся в хижину Сутикшны и поведал ему о своем желании посетить обитель великого праведника Агастьи. Идти к нему от хижины Сутикшны было недолго — всего один день да еще день. Сутикшна указал дорогу Рама, и все трое отправились в путь. Агастья с радостью встретил великого Раму, его супругу и брата и подарил Рама драгоценное оружие бога Вишну — лук, меткие стрелы, сверкающие, как солнце; могучий меч в золотых ножнах, острую тяжелую се-

киру — и сказал: «Да будешь ты, доблестный Рама, непобедим в битвах с врагами».

Рама с благодарностью поклонился благочестивому и щедрому старцу и попросил: «Укажи мне, подвижник, такой край, где могли бы мы жить в мире и довольстве. Жить нам в лесах осталось еще четыре года, а мы очень утомились от многолетних странствий». — «Недалеко отсюда, — отвечал Агастья, — есть место, которое люди называют Панчавати. Там прекрасный лес, полный цветов, плодов и кореньев. Поблизости течет полноводная Годавари, а по берегам ее бродят олени и птицы». Он показал Раме дорогу в Панчавати, и Рама с Ситой и Лакшманой пошли туда искать себе кров.

Долго шли они по лесной дороге, и все время летел над ними огромный ястреб. «Кто ты?» — спросил его Рама, и ястреб приятным голосом ответил: «Я — друг твоего отца, и зовут меня Джатаю. Я буду помогать тебе, если ты этого захочешь, и охранять Ситу, когда ты будешь отлучаться». Рама радостно обнял друга своего отца, могучего ястреба Джатаю, и с веселой душой продолжал свой путь в Панчавати.

Вскоре они пришли в указанное Агастьей место, и Рама сказал Лакшмане: «О Лакшмана, мы пришли в Панчавати. Ступай, милый брат мой, и выбери недалеко от воды красивое ровное место, с цветами, травами и тенистыми деревьями».

Лакшмана быстро нашел такое место на берегу Годавари, нарубил длинных жердей, набрал травы и листьев и соорудил красивую хижину с крепкой крышей и ровным полом. Потом Лакшмана умылся в реке, набрал в лесу плодов и кореньев и принес их в хижину. И Рама сказал ему: «Я доволен тобой, о Лакшмана. Ты хорошо потрудился, и здесь воистину прекрасно — светлая река, цветущий лес, разные плоды и коренья, гуси, лебеди, утки, олени. Здесь мы будем жить с нашим могучим другом ястребом Джатаю подобно небожителям в небесных чертогах. Прими, Лакшмана, мои объятия как награду, ибо нет у меня здесь ничего больше».

Мирно прожили они в лесу Панчавати лето и осень, и вскоре наступило желанное зимнее время.

Однажды утром старший сын Дашаратхи пошел к прекрасной реке Годавари, чтобы омыть лицо и тело в ее водах. Смиранный сын Сумитры, благочестивый брат Рамы, пошел за ним следом и сказал: «О сладкоречивый брат мой, наступило время, которое всегда тобою

было любимо. Земля полнится зерном, вода в реке свежее, и желанным становится огонь в жаровне. Люди собрали с полей зерно риса и очищаются от грехов, принося богам жертвы, поминая своих предков и празднуя приход нового года. Селения полны зерна, молока и масла. Покрыт снегом и далек от солнца Обладатель Снегов — Химават. И солнце в полдень сейчас греет мягко, и не манят нас тень и речные воды; дни стали прохладными, а леса пустынные, и лотосы на холоде вянут. Темными и долгими стали ночи, лик луны покрыли туманы, и лунный свет уже не кажется приятным. И прекрасная Сита побледнела и не столь красива, как прежде. Неяркое солнце, покрытое туманом, стало подобно луже, и лик земли становится бледнее. И наш бедный брат Бхарата, честный, правдивый и могучий, истязает себя суровым покаянием, искупая грехи матери своей Кайкеи. Говорят, что люди следуют не за отцом, а за матерью своею, но о Бхарате этого не скажешь. Как же может Кайкеи, мать Бхараты, жена Дашаратхи, идти по дороге зла и неправды?»

Так сетовал добрый Лакшмана, идя следом за старшим братом, и Рама, не питавший зла к Кайкеи, сказал ему: «Не суди, брат мой, так строго Кайкеи, она нам — вторая мать. Лучше нам побеседовать о брате, о правителе царства Кошалы. И хотя не изменяет мне твердость духа, а все же я становлюсь сильнее, вспоминая любимого брата. Я вспоминаю его ласковые речи, берущие за сердце, и радость наполняет мою душу. Когда же встретимся мы с благородным Бхаратой и отважным Шатругхной?!»

Рама и Лакшмана, ведя такие речи, пришли к реке, умылись в ее водах и, чистые душой и телом, вернулись в свою обитель.

В то утро мимо хижины сыновей Дашаратхи проходила ракшаси Шурпанакха, сестра злобного Раваны, повелителя всех ракшасов на земле. Она увидела благородного Раму, и неодолимая страсть охватила ее. И пожелала Шурпанакха стать его супругой. Кровавожадная ракшаси была страшна и отвратительна, а юный Рама прекрасен, как серебристый месяц в пору полнолуния; стан у сына Дашаратхи строен и тонок, а у ракшаси Шурпанакхи — огромное прожорливое брюхо; на голове царевича Рамы вились красивые волосы, а у мерзкой Шурпанакхи — красная всклокоченная грива; голос у Рамы был певучий и благозвучный, а у ракшаси — пронзительный и скрипучий. Но велика любовь — полонила она Шурпанакху и лишила рассудка, когда увидела ракшаси Раму, прекрасного, как бог любви Кама, юного вои-

